

к63.3(2)
П53

Александр Полюнкин

СВЕТЛЫЕ ЛИКИ Корсуни

19/10

К 63. 3(2)

П 53

Александр Полынкин

Светлые лики Корсуни

A296571

Орёл – 2018

БУКО
«Орловская областная научная
универсальная публичная
библиотека им. И.А. Бунина»

УДК 82– 1
ББК 49.0
П 49

Александр Польшин

П 49 Светлые лики Корсуни – Орёл: Изд-во «Картуш». 2018. – 72 стр.,
фотографии.

Новая книга известного орловского краеведа Александра Польшина посвящена уникальному месту Орловского края – селу Корсунскому (ныне – Корсунь), его истории и замечательным людям, создававшим и создающим здешнее благолепие.

УДК 82– 1
ББК 49.0

Фото на обложке:

Лицевая сторона: *Корсунская церковь;*

Оборот: *вид на Живоносный источник села Корсунь.*

Автор благодарит:

*управляющего директора группы МАС (город Ангарск Иркутской области)
Максима Старцева – за финансовую помощь в издании книги*

© А.М. Польшин, 2018

5-СВ-ЛЦ-КО-ПД

Глава первая.

Корсунский храм и его служители

Каждый орловчанин, оказавшийся волею судьбы в конце XIX – начале XX века в северной части Малоархангельского уезда, непременно заезжал в большое село Корсунское, живописно расположившееся по обоим берегам небольшого ручья (притока реки Труды).

Две достопримечательности села привлекали сюда гостей: храм Корсунской матери Божией и усадьба местных помещиков Вельяминовых-Зерновых. Церковь с таким именем в Орловской губернии - одна. Каменная, изящной архитектуры, окрашенная в белую и красную краски, с белой крышей и такого же цвета куполами, с красивой кованой оградой вокруг, она вызывала у всех увидевших её в первый раз чувство умиления и желание немедленно обратиться к Всевышнему. И если православный человек делал это, зайдя в храм, да ещё постояв на коленях у знаменитой иконы Корсунской матери Божией, то благостное состояние приобщения к миру Небесному сопровождало его потом долгие часы и дни. Ведь, по преданию, Корсунская икона была писана Святым апостолом Лукой ещё при жизни Пресвятой Богородицы, а список с этого образа принёс из Корсуни в Киев Святой равноапостольный князь Владимир.

Освящение каменного храма в селе Корсунском

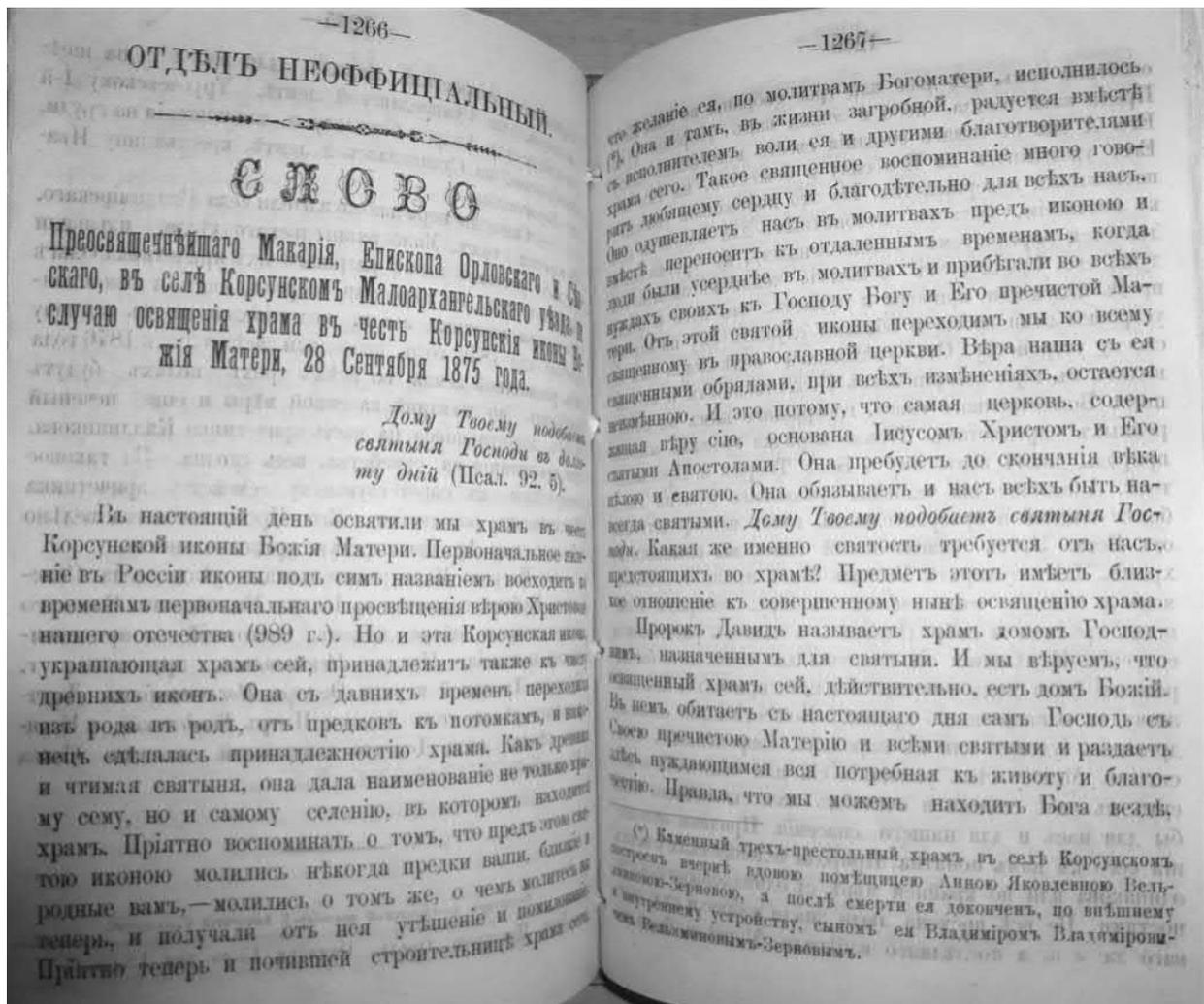

**Владыка Орловский и Севский
Макарий**

Точную дату постройки церкви в селе Корсунском установить пока не удалось. Но деревянный храм существовал уже к 1763 году, и построен он бы *«тщанием помещиков Рагозиных»*, владевших селом и землями вокруг него. Когда деревянная Корсунская церковь обветшала и пришла в упадок, то новые владельцы здешнего имения, Вельяминовы-Зерновы, решили построить каменный храм. Начинала всё Анна Яковлевна (из орловского дворянского рода Ханыховых), а завершил богоугодное дело уже после смерти матушки её сын, Владимир Владимирович Вельяминов-Зернов, известный учёный-востоковед и общественный деятель (о нём речь впереди).

На освящении Корсунской каменной, трёхпрестольной церкви 28 сентября 1875 года присутствовало высокое губернское и епархиальное начальство.

Сказал своё «Слово» и Преосвященный Макарий, епископ Орловский и Севский.

Слово Преосвященнейшаго Макарія при освященіи Корсунскаго храма

Здесь следует сказать, что Преосвященнейший (в миру - Николай Кириллович Миролюбов), который с 29 августа 1867 года по 25 декабря 1876 года был правящим архиереем Орловской епархии, оставил в её истории заметный след.

Он неоднократно посещал сельские храмы и способствовал обновлению старых и строительству новых, лично присутствуя во время таких торжественных случаев. Благодаря речи Преосвященнейшаго Макарія в селе Корсунском, мы можем узнать некоторые подробности об одноименном храме этого села и его знаменитой иконе.

Вот что сказал владыка в самом начале своей речи:

«В настоящий день освятили мы храм в честь Корсунской иконы Божия матери... Корсунская икона, украшающая храм сей, принадлежит также к числу древних икон. Она с давних времён переходила из рода в род, от предков к потомкам, и наконец, сделалась принадлежностью храма.»

Как древняя и чтимая святыня, она дала наименование не только храму сему, но и самому селению, в котором находится храм. Приятно вспоминать о том, что пред эту иконою молились некогда предки ваши, близкие и родные вам, - молились о том же, о чём молитесь и вы теперь, и получали от нея утешение и помилование.»

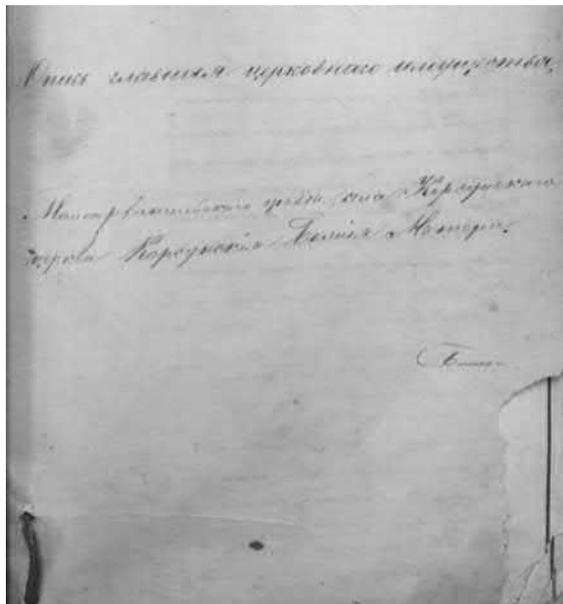
Храмостроитель Владимир Владимирович Вельяминов-Зернов

Приятно теперь и почившей строительнице храма сего, что желание ея, по молитвам Богоматери, исполнилось. Она и там, в жизни загробной, радуется вместе с исполнителем воли ея и другими благотворителями храма сего» («Орловские епархиальные ведомости», №20, 15 октября 1875 года, стр.1266-1272, все желающие могут здесь ознакомиться с полным текстом «Слова» владыки Макария – А.П.).

Что собой представляла церковь с точки зрения её содержимого, я узнал из документов, найденных мною в Государственном архиве Орловской области (ф.Р12, оп.1, ед.хр.1960, «Анкеты, циркуляры, описи церковного имущества и декреты по Луначарскому (Успенскому) волостному исполкому, 2 октября 1918-27 апреля 1922 года).

«Дом Божий» села Корсунское снаружи и изнутри

Когда в январе 1918 года Совет Народных Комиссаров принял Декрет «Об

Опись церковного имущества Корсунского храма (титульный лист)

отделении церкви от государства и школы от церкви», п.12 которого гласил, что «Никакие церковные и религиозные общества не имеют права владеть собственностью», то в России (и в Орловской губернии тоже) начался процесс изъятия церковного имущества и передачи его гражданам (в данном случае – прихожанам конкретного храма). Создавались комиссии, определялись прихожане, кому передавалось имущество. Но первоначально оно описывалось. Вот такой документ на нескольких страницах (основные его моменты) я сейчас и процитирую:

«Опись главныя церковного имущества Малоархангельского уезда села Корсунского церкви Корсунския Божия Матери

Часть первая

Опись церкви

Церковь каменная, с таковою же колокольнею, покрыта железом, окрашенным белилами на масле, стены заштатлеваны и окрашены под кирпич

масляною краскою; двери обиты железом и окрашены медянкою, внутри оштукатурены и окрашены синей краскою.

В трапезе церкви два придела: 1-ый, по правую сторону, во имя всех Святых, 2-ой, по левую сторону – во имя Святых и праведных Богоотец Иоаким и Анны.

В приделе Всех святых:

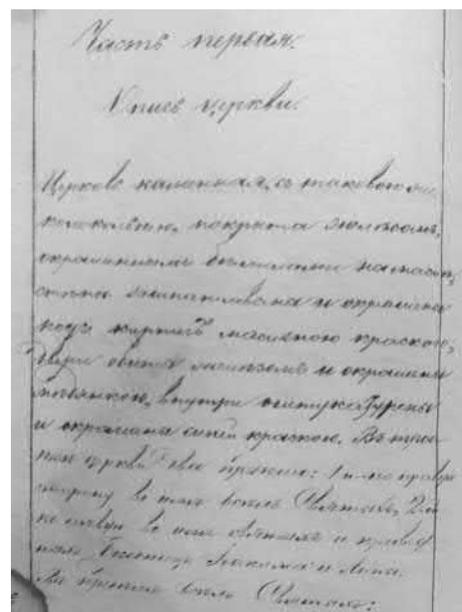
Алтарь елового дерева столярной работы, окрашенный с лицевой стороны белой масляной краской, колонны расписаны голубою краскою под мрамор, над ним – канители и резьба, в приличных местах, равно и рамы около икон, вызолочены, изнутри окрашены дикою краскою.

1. В алтаре престол дубового дерева;

2. На престоле антиминс голубова атласа, священнодействованный и ***подписанный Преосвященнейшим Поликарпом, Епископом Орловским и Севским 1863 года октября 20 дня;***

3. Против престола на восточной стороне икона Казанской Божия Матери, держащей на руках Спасителя, написанная на доске;

4. Над жертвенником икона Спасителя.

Описание здания
Корсунского храма

Предалтарный иконостас:

5. Царские врата резбённые, вызолочены под полимент, в них иконы небольшие: Божией Матери, Архистратига Гавриила и четырёх евангелистов, живописных, написанных на досках.

Над царскими вратами в полу-циркуле, в вызолоченном сиянии, Всевидящее Око.

В иконостасе иконы:

6. На правой стороне царских врат - икона Спасителя;

7. Святителя и чудотворца Николая;

8. На левой стороне - всех Святых

9. И преподобного Сергия Радонежского;

10. Над иконою Спасителя изображение Рождества Христова и Богоявления;

11. Над иконою Святителя и Чудотворца Николая – изображение Вознесения Спасителя и Преображение Господне;

12. С левой стороны над иконою Всех святых изображение Рождества Божией Матери и Благовещения;

13. Над иконою Сергия Чудотворца икона Успения Пресвятой Богородицы и воздвижения Честнаго Креста;

*Корсунская икона
Матери Божией*

14. Над Царскими вратами икона Тайной Вечери;

15. По правую сторону – изображение Святого Великомученика Георгия и Святой Праведной Анны;

16. По левую сторону - Святой Великомученицы Варвары и мученицы Иулианы;

17. На северных дверях образ Архистратига Михаила;

18. Над дверьми - икона входа Иисуса Христа в Иерусалим;

19. И Живоначальной Троицы в виде трёх странников. Далее, ко входу в настоящую церковь, -

20. Святцы шести первых месяцев, написанные на досках и вставленные в вызолоченные рамы.

В приделе Св. и Праведных Богоотец Иоакима и Анны:

Алтарь, во всё подобный алтарю в приделе Всех святых

21. В нём: престол и жертвенник дубового леса;

22. На святом престоле Антиминс палевого атласа, ***священнодействованный и подписанный Преосвященным Поликарпом, Епископом Орловским и Севским 1865 года октября 21 дня;***

23. Против престола на восточной стороне икона коронования Божией Матери;

24. Над жертвенником икона Спасителя.

Предалтарный иконостас:

25. Царские врата, во всё подобные вратам придела во имя Всех Святых;

26. На правой стороне Царских же врат иконы снятия со креста Спасителя;

27. Св. Праведных Богоотец Иоакима и Анны, с изображением вверху Спасителя в малом виде, надеваемыми их три серебряных вызолоченных венца;

На левой стороне Царских врат

28. Икона положения Господа во гроб;

29. На северных дверях икона Св. великомученика Феодора Стратилата;

30. Над означенными иконами в мах с правой стороны изображение Св. мученика Симона и мученицы Софьи;

31. Иоанна Предтечи, Св. мученицы царицы Александры и мученицы Татианы;
С левой стороны:
32. Святителя Митрофания, воронежского Чудотворца;
33. Св. мученика Феодора Тирона и Св. мученицы Софии, Апостола Павла, Святителя Василия великого и мученицы Клеопатры;
34. Над царскими воротами изображение явления Спасителя двум ученикам, шедшим в Эммаус;
По правую сторону:
35. Икона Великомученицы Варвары;
36. И мученицы царицы Августы;
- По левую сторону:
37. Св. равноапостольного князя Владимира;
38. И св. Анны пророчицы;
39. На южных дверях образ Архистратига Гавриила.
40. Далее, ко входу в настоящую церковь, Святцы последних шести месяцев, написанные на досках и вставленные в вызолоченные рамы

В настоящем храме во имя Корсунской Божией матери:

41. Алтарь, внутри коего: престол из дубового дерева с верхнюю липовую доскою и под ним липовый крест, где в серебряном вызолоченном ковчеге хранятся святые мощи;
42. На престоле антиминс;
43. Жертвенник четырёхугольный из дубового дерева с верхнюю липовую доскою;
44. Киот на горнем месте для помещения иконы Корсунския Божия Матери, резной, вызлащенный;
45. Самая икона Корсунския Божией Матери в серебряной вызлащенной ризе и в серебряном киоте (см. дополнительную опись, часть первая);
- 46. Запрестольный крест, деревянный, но в ризе медной, вызлащенной, на деревянной тумбе, окрашенной белой краскою и по местам позолоченный - пожертвован в 1875 году храмостроителем и церковным старостою, Действительным Ст. Советником, Владимиром Владимировичем Вельяминовым-Зерновым;***
- 47. Плащаница – живописного искусства, обрамлённая бархатом с золотою бахромою и таковыми же по углам кистями. Под ней гробница, обложенная ореховым деревом, с вызлащенными фигурами и с стеклянным футляром, стоит на возвышении из дубового дерева. Плащаница и гробница с футляром пожертвованы супругою Действительного Статского Советника Анною Семёновною Вельяминовою-Зерновою;***

48. Трёхсвечник медный, большого размера, отбеленный, пожертвованный крестьянами с. Корсунского;

49. *Фонарь стеклянный, с деревянной рукояткою, употребляемый при крестных ходах, на деревянной подставке, пожертвован в 1875 году церковным старостою, Д.С.С. В.В.Вельяминовым-Зерновым;*

50. *При иконе Корсунской Божией Матери лампада серебряная вызлащенная, с таковыми же подвесками и цепочками, весом (цифра отсутствует), вся работы ручной; на передней стороне вставлено живописное изображение цветов на стекле, на задней – надпись: «В память Клеопатры Васильевны Ханыковой от Варвары Яковлевны Ханыковой 1874 года».*

Предалтарный иконостас, однарусный, в коем:

51. *Царския врата ручныя, вызлащенные, с живописным изображением Архангела Гавриила, Божией Матери в момент благовестия ей зачатия Сына Божия и 4-ёх Евангелистов; при них же – две малые иконы, утверждённые, впрочем, по сторонам их на иконостасе: Спасителя и Тихвинской Божией Матери в ризах серебряных и по местам вызлащенных, для целования священнику при чтении входных молитв; иконы пожертвованы в 1875 году церковным старостою Д.С.С. Влад.Влад.Вельяминовым-Зерновым;*

52. Местные иконы – живописные, писанные на полотнах, по правую сторону – Спасителя во весь рост и Св. пророчицы Анны, по левую – Божией Матери во весь рост и Св. равноапостольного князя Владимира;

53. Боковые двери: северная и южная, с изображением на первой Архидиакона Лаврентия, а на другой – апостола и первомученика Стефана.

Вещи вне иконостаса

54. Два клироса чугунные;

55. *Две хоругви металлические вызлащенные, резной работы, с тремя рукоятками у каждой. На первой хоругви – изображение Богоявления Господня и Св.Николая Чудотворца, на другой – Вознесения Господня и Благовещения Божией Матери. Пожертвованы в 1873 году храмостроителем Д.С.С. В.В. Вельяминовым-Зерновым;*

56. *Металлическая отбелённая люстра, висящая на жёлтой цепи, с 20 шандалчиками, пожертвована в 1873 году вдовою штабс-капитана Глафирию Яковлевною Козаковою;*

57. *Икона Корсунской Божия Матери – список с настоящей чудотворной иконы, в серебряной вызлащенной ризе, пожертвована Госпожой Казаковою Глафирию Яковлевною.*

Лампады:

Три серебряные лампы, весом все в три в фунта;

Подсвечники, 6 металлических, пожертвованы крестьянами села Корсунского, диаконская свеча, металлическая, пожертвована ДСС В.В.Вельяминовым-Зерновым, металлический подсвечник для совершения проскомидии пожертвован им же.

Всего – 19 подсвечников.

Часть вторая – опись ризницы

1. Евангелия – два больших и два малых, одно малое – положено в гроб при погребении Диакона Николая Борисовича Руднева;

2. Большое, на александрийской бумаге, доски обложены малиновым бархатом. Верхняя доска серебряная, вызолоченная, в середине ея, на средней выпуклости, изображение Воскресения Христова, по краям, на выпуклостях – изображения четырёх евангелистов. Нижняя доска посредине и краям обложена серебром с позолотою.

3. Большое – похоже на первое.

Напрестольные кресты:

Серебряный, вызолоченный, посредине и оконечностям изображения Спасителя, Богоматери и Иоанна Богослова, весом в один фунт;

Серебряный, весом в один фунт;

Небольшой серебряный, с таковою же цепочкою, обнизан с лицевой стороны жемчугом;

Ещё меньшего размера, серебряный, вызолоченный, с мощами преподобного Никона Печерского.

Священнотребные сосуды:

Потир, дискос, звезда, лжица и тарелочки серебряные, вызолоченные, с обнесёнными стражом на финифти изображениями Спасителя, Богоматери и Св. Предтечи, весом в 6 фунтов;

Те же предметы – весом в два фунта;

Потир кокосового ореха, обделанного серебром;

Ковшик серебряный;

Копие стальное в деревянной ручке;

Копие стальное, с ручкою из слоновой кости, пожертвовано в 1875 году вдовою ДСС Софиею Николаевною Карсаковою.

Дарохранильницы

Ковчег серебряный, вызолоченный, весом в один фунт;

Ковчег серебряный, в один фунт с четвёркою весом;

Дароносица с сосудом и – весом в одну четверть фунта;

Ковчег бронзовый вышпанный, с стеклянным футляром, углы которого вышпаны; пожертвован в 1875 году храмостроителем, церковным старостой ДСС В.В.Вельяминовым-Зерновым.

Кадила

Серебряное, с таковыми же цепочками, весом в один фунт 24 золотника;

Два кадила медных, отбеленных, пожертвованы в 1875 году церковным старостой ДСС В.В. Вельяминовым-Зерновым.

Воздухи

Облачения священников

Риза золотой парчи – 2, подрясник, епитрахиль золотой парчи, поручи;

Полное облачение для священника и диакона из белой штофной материи – пожертвовано в 1889 году Ея Превосходительством Анною Семёновною Вельяминовою-Зерновою;

Полное облачение для священника и диакона из серебряной парчи – пожертвовано в 1890 году женою коллежского советника Ксенией Дмитриевной Зайцевой;

Полное облачение для священника и диакона – из чёрного манчестера – пожертвовано в 1895 году женою отставного фельдфебеля Татьяной Стефановой Сафоновой;

Полное облачение для священника и диакона из жёлтой серебряной парчи – пожертвовано вдовой Действительного тайного советника Анною Семёновною Вельяминовою-Зерновою в 1904 году.

Облачения диаконские;

Облачения престолов и жертвенников;

Завесы к царским вратам.

Часть третья

Опись книгохранилища и письменности

1. Библия – один экземпляр
2. Устав
3. Новая скрижаль
4. Месячных миней – 12
5. Общая минея – одна
6. Праздничная минея
7. Апостол
8. Служебник

9. Триод цветная
10. Собrania поучений – две книги
11. Прологи во весь год
12. Книжица благодарственного пения
13. Толкования воскресных евангелий – две книги.

Предметы, не принадлежащие к богослужению

Св. иконы, пожертвованы храму:

1. Святого Великомученика Пантелеймона, писанная на кипарисовом дереве, выписана с Афона и принесена в дар Корсунской церкви в 1889 году крестьянином села Корсунского Гавриилом Самсоновым Илюхиным;

2. Икона Божией Матери, именуемой «Неопалимая Купина», писана на доске и украшена багетовою резьбою. Пожертвована крестьянином села Корсунское Семёном Гуриевым Баландиным;

3. Икона Святителя и Чудотворца Николая – в серебряной ризе, в киоте с подставкой, пожертвована в 1891 году вдовою надворного советника Надеждою Михайловною Сахаровою;

4. Икона Вокресения Христова и Дванадцати праздников, в посеребрянной ризе, писана на доске, в киоте с подставкой, пожертвована крестьянином деревни Желанной Василием Леонтием Богатырёвым;

5. Икона Покрова Пресвятой Богородицы в ореховом киоте под стеклом, писанная на доске масляными красками, длиною 18 вершков, шириною 15 вершков. Пожертвована неизвестным благотворителем в январе 1896 года;

6. Икона Великомученика Георгия Победоносца, писанная на доске масляными красками, длиной 17 вершков, шириной 14 вершков. Пожертвована крестьянином села Корсунского Никитою Ирадионовым Фандиковым в январе 1896 года;

7. Икона Всех святых и дванадцатых праздников, писанная на дереве в киоте за стеклом, приобретена на пожертвование крестьянина села Корсунское Якова Чухляева в 1903 году;

8. Икона Архангела Гавриила, Пр.Герасима и Пр. Евдокима – за стеклом, в серебряной ризе, с вызлаченными над главами венчиками, пожертвована в 1903 году Евдокией Расторговой;

9. Лампада большая серебряная вызлаченная с эмалевыми украшениями и к ней серебряные вызлаченные цепи, пожертвована 1 апреля 1906 года дочерью диакона Софией Николаевой Рудневой...

(Из этого описания видно, что Корсунский храм был достаточно богат утварью, в том числе и подаренной многими жертвователями: храмостроителем и церковным старостой В.В.Вельяминовым-Зерновым, его женою, а потом – вдовою Анною Семёновною, вдовою штабс-капитана Глафирию Яковлевною Козаковою, бароном Владимиром Владимировичем Перейлиуер-Франк, помещицей Марией Дмитриевной Шевиг, вдовою надворного советника Надеждою Михайловною Сахаровою и другими - А.П.).

Следует сказать, что в описание я не включил дополнительную опись, в которой перечислена утварь из «Придела во имя Св. мученицы Татианы, оставленной с дозволения епархиального начальства старой деревянной церкви, дубового леса, обшитой тёмсом и крытой железом» (а там, к примеру один иконостас из Придела Преподобного Сергия Радонежского с семью большими и двенадцатью малыми иконами тоже вызывал восхищение – А.П.)

Священники и церковнослужители Корсунского храма

Теперь, когда у тебя, читатель, есть представление о самом храме, настало время познакомить тебя с его священниками, замечательными батюшками, истово служившими Богу и прихожанам с начала XIX века до трагического закрытия церкви в 1930-ые годы. С помощью метрических книг Корсунского храма мне удалось выяснить имена всех священников за более чем 120-летний период времени:

Алексий Дмитриев (1750-1813) - настоятель Корсунской церкви с 1807 до 1813 года, умер 10 апреля 1813 года, в 62 года, с покаянием.

30 июня 1815 года у умершего священника Алексея Дмитриева умерла жена его Татiana, 61 год (1754 года рождения), погребена *«по христианской должности»*.

Симеон Иванов Коренев (1775-1842) – священник Корсунской церкви с 1813 по 1842 год, умер 12 октября 1842 года *«от колотья в боку»*, 67 лет, погребён 14 октября.

Совершили погребение – села Трудок священник Василий Доброхотов (служил в Трудках с 1825 года), того ж села священник Димитрий Кутепов, села Успенского священник Алексей Переверзев с диаконом села Корсунского Василием Нечаевым, с дьячком Иосифом Маккавеевым и пономарём Алексеем Меньшиным, похоронили отца Симеона, прослужившего почти 30 лет, близ любимой церкви.

Иоанн Иоаннов Смирнов - настоятель Корсунской церкви с января 1843 года по 28 февраля 1887 года.

У священника Иоанна Иоаннова Смирнова и его жены Наталии Стефановой рождались дети:

5 января 1844 года – сын Григорий;

9 февраля 1850 года – дочь Клавдия (умерла 4 мая 1850 года) – воспитанники: заштатный священник Иоанн Смирнов и сельца Никольского помещика штабс-капитана Ивана Ильина Казакова жена Александра Андреева;

2 февраля 1859 года – сын Евгений, восприемники: Тульской губернии, Новосильского уезда, села Нижнего Скворчего священник Николай Глаголев с дьяконом села Корсунского Василием Нечаевым.

Леонид Иоаннов Смирнов - священник Корсунской церкви с 1 марта 1887 года по начало 1930-ых годов, до закрытия Корсунского храма (умер в 1942 году в посёлке Жуковка Брянской области).

Церковнослужители в 1807-1918 годах

Дьяконы:

Фёдор Фёдоров Драчёв (умер по болезни 2 января 1832 года, 60 лет), похоронен на кладбище рядом с приходской церковью.

Василий Васильев Нечаев (27 октября 1830 года Орловской семинарии бывший словесности ученик Василий Нечаев «понял за себя» села Корсунского дьяконскую дочь Александру Фёдорову (Драчёву), оба – первым браком.

Поручители – по жениху: Тульской губернии Чернской округи села Глатково дьячок Андрей Иванов, Орловской семинарии студент *Ефимий Корсунский*, а по невесте – Малоархангельской округи, села Спасское, Ильинское тож, *пономарь Дмитрий Корсунский, кои к обыску подписались*), диакон – с 1831 года).

Николай Руднев,

Михаил Петров Орлов.

Дьячки:

Михаил Алексеев Тихомиров (умер 6 января 1829 года, в 36 лет),

Сергий Никоноров Величковский,

Иосиф Маккавеев (венчался в Корсунской церкви 17 августа 1842 года с девицей Пелагеей Михайловой).

Пономари - Михаил Лаврентьев Алмазов, Алексей Григорьев Меньшин (у него и у его законной жены Татьяны Михайловой 13 января 1844 года родилась дочь Мария).

Псаломщик Иван Григорьев Мороз-Яконюк.

Смирновы – последние священники Корсунского храма

А теперь чуть подробнее я расскажу об отце и сыне Смирновых, которые в течение почти 90 лет священствовали, служа Богу и прихожанам Корсунской церкви.

Отец Иоанн Смирнов, пользовавшийся огромным влиянием у всех местных жителей, был настоятелем Корсунской церкви с января 1843 по февраль 1887 года. Именно он вдохновил в своё время на богоугодное деяние по строительству нового, каменного, храма матушку Владимира Владимировича Вельяминова-Зернова, Анну Яковлевну (в девичестве – дворянку Ханыкову – А.П.). Ей самой не довелось увидеть освящение церкви, но дело родительницы продолжил и завершил её сын, при горячей поддержке и помощи отца Иоанна.

Отец Леонид (Смирнов Леонид Иванович) - последний священник Корсунского храма

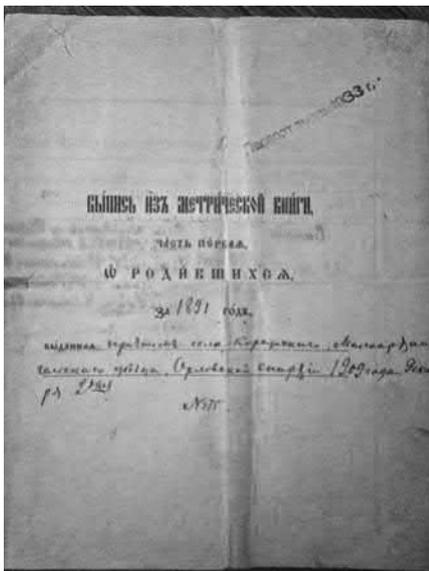

Матушка Инна (Смирнова Инна Николаевна)

Смирнова Инна Николаевна с дочерью Любой

Священник Иван Иванович Смирнов уже свыше 40 лет был к этому моменту настоятелем Корсунской церкви, и таким событием он фактически мог подвести итог своего служения, поскольку через полтора года по прошению был уволен за штат, уступив 1 марта 1887 года своё намоленное место сыну Леониду, студенту Орловской духовной семинарии.

Метрическое свидетельство Веры Леонидовны Смирновой

Молодым человеком двадцати с небольшим лет, Леонид Смирнов был рукоположен владыкой Орловским и Севским Макарием во священника Корсунской церкви, и за три десятилетия, пока не начались трагические революционные события, успел заслужить авторитет не меньший, чем у покинувшего мир земной его замечательного родителя. К отцу Леониду Смирнову корсунцы и жители приходских деревень приходили не только для крещения, венчания или отпевания, но и просто излить душу. Батюшка всегда находил слова утешения для страждущих и болящих. Успевал Леонид Иванович и с делами мирскими: родил и воспитал вместе с верной супругой Инной пятерых детей, которые уже при Советской власти сумели найти своё место в жизни.

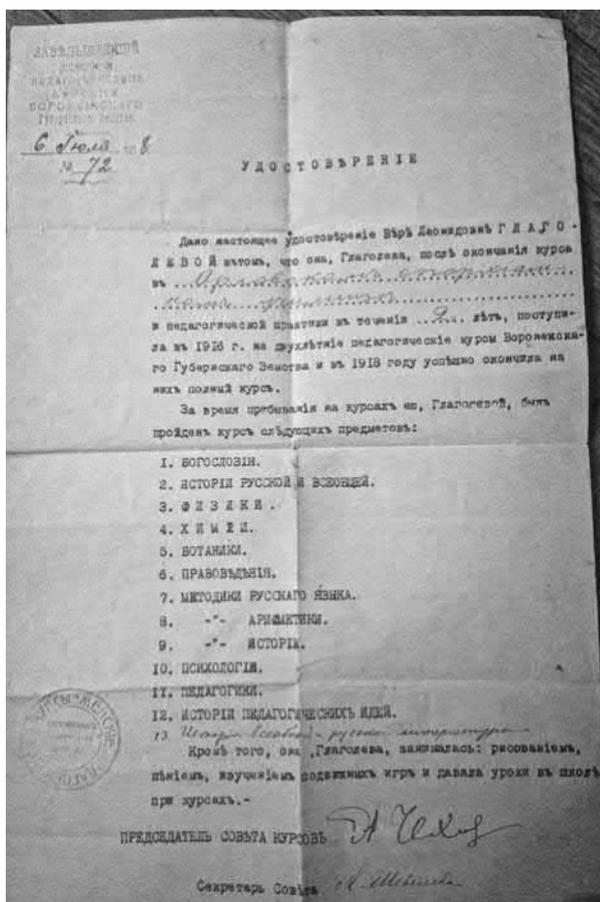

Глаголева (Смирнова) Вера Леонидовна с мужем Вячеславом

Смирнов Дмитрий Леонидович с женой Александрой

К сожалению, в начале 30-х годов XX века Корсунская церковь была закрыта, а в годы Великой Отечественной войны полностью уничтожена. Батюшка Леонид скончался в 1942 году в посёлка Жуковка (ныне – Брянской области), так и не успев узнать о гибели своего любимого храма.

Справка для Веры Глаголевой
(Смирновой)

Смирнов Вячеслав Леонидович

Несколько лет назад в селе Корсунь (ныне – Верховского района) воскресла из пепла новая, небольшая, пока - деревянная церковь. В январе 2014 года появился здесь женский монастырь во имя Иоанна Богослова, а летом 2015 года стала официально действовать и Князь-Владимирская мужская пустынь. Многолетнее служение отца и сына Смирновых в Корсунь продолжили – после некоторого безбожного перерыва - их верные духовные последователи.

Глава вторая.

Прихожане Корсунского храма

Приход у Корсунской церкви все годы её существования был сравнительно небольшой. Он состоял из прихожан села Корсунское и нескольких прилегающих к нему деревень: Большой и Малой Самарки (Большая Самарка в настоящее время – деревня Протасово Покровского района – А.П.), Глинок, Желанной (Желановки), Никольской, Мавриной и Рагозиной (на современной административной карте – территория Покровского и Верховского районов – А.П.). Подавляющее большинство местных жителей до 1861 года были крепостными и дворовыми людьми нескольких окрестных помещиков, которые и сами жили поблизости в своих поместьях.

Рассказ о прихожанах-дворянах я начну с Рагозиных.

Помещики Рагозины – первые владельцы села Корсунское

Рагозины (Рогозины) – старинный русский дворянский род, берущий своё начало в первой половине XVI века. Один из его представителей, Иван Степанович, в 1628 году был воеводой в Ливнах. В течение почти двух столетий (XVI - XVIII века) многие Рагозины служили митрополитам и Святейшему Патриарху, были дьяками патриарха Филарета Никитича. Этот род внесён в дворянские родословные книги десяти российских губерний, в том числе и Орловской.

Первыми известными нам владельцами села Корсунского (имевшего тогда и второе название – Трудки тож – А.П.) во второй половине XVIII века были братья Иван, Илья и Николай Васильевичи Рагозины. Хотя, скорее всего, имение досталось им от отца.

На период третьей ревизии податного населения (1763 год) Иван Васильевич Рагозин служил в Киевском кирасирском полку квартирмейстером, и у него в селе Корсунском насчитывалось 155 крепостных душ обоего пола.

У поручика Троицкого пехотного полка Ильи Васильевича Рагозина на тот же год имелось 152 крепостных души, а вот о том, сколько крестьян и дворовых людей принадлежало капитану Николаю Васильевичу – данных нет.

Три брата, как нам известно из документов, были также и землевладельцами Московского уезда, где у них на троих имелось в отдельной собственности 180 крепостных душ.

К 1782 году, когда осуществлялась четвёртая перепись податного населения Российской империи, умерли Иван Васильевич и Николай Васильевич Рагозины, и в Корсунском имение перешло в руки капитана Ильи Васильевича Рагозина (237 душ) и вдове покойного ротмистра Ивана Васильевича Рагозина Ольге Федотовне с детьми (230 дворовых и крестьян). То есть, они владели имением примерно в равных долях.

Так вышло, что у Ильи Васильевича Рагозина наследников не осталось, и единственным представителем мужской ветви рода стал сын Ивана Васильевича – Андрей Иванович, подпоручик. Он умер достаточно рано, 8 февраля 1807 года, не дожив и до 44 лет. А после смерти в 1834 году его сына, юнкера Александра Андреевича Рагозина, мужчин в семействе не осталось.

И вскоре все корсунские рогозинские владения объединил подмосковный помещик Фёдор Михайлович Вельяминов-Зернов. Он, в своё время женившись на девице Екатерине, единственной дочери капитана Николая Васильевича Рагозина, получил за супругой, в качестве её приданого, небольшую часть села Корсунского. С 1840 года, после смерти Татьяны Борисовны Рагозиной, вдовы Андрея Ивановича, Вельяминов-Зернов стал единоличным владельцем бывших рагозинских имений. А фамилия вымерших помещиков, всё-таки, сумела сохраниться в названии одной из их деревень (*этот населённый пункт в настоящее время вплотную примыкает к селу Корсунь – А.П.*).

Вельяминовы-Зерновы – родственники царя Бориса

Теперь, уважаемый читатель, когда я пояснил тебе, как московский дворянин стал ещё и орловским землевладельцем, расскажу о нём и его семействе чуть подробнее.

Фёдор Вельяминов-Зернов – предводитель дворянства Верейского уезда

Предводитель дворянства Верейского уезда Московской губернии Фёдор Михайлович Вельяминов-Зернов и его жена Екатерина Николаевна (урождённая Рагозина) были завидной и уважаемой супружеской парой – как среди московских, так и среди орловских помещиков. Фёдор Михайлович в конце XVIII-начале XIX века пять раз подряд избирался предводителем, а Екатерина Николаевна крепкою рукой вела большое хозяйство, успевая рожать и воспитывать детей. Вельяминовым-Зерновым принадлежал собственный дом в Москве, на Арбате (у церкви Спаса-на-Песках), а также имения под Москвой и, как теперь понятно, в Орловской губернии.

Герб Вельяминовых-Зерновых

Большую часть времени семейство Вельяминовых проводило в Москве, в доме на Арбате, но весной всегда уезжало в деревни – сначала в подмосковное имение Жедочи (*Верейский уезд, ныне – Нарофоминский*

район – А.П.), а потом два месяца Вельяминовы-Зерновы проводили в Орловских владениях – селе Корсунское и селе Суворово (*Малоархангельский и*

Мценский уезды соответственно – А.П.). Поздней же осенью всё семейство возвращалось с Орловщины сразу в московский дом.

Село Жёдочи (Жадочи, Жёдачи, Жадыч – так по-разному именовалось это село современного Наро-Фоминского района, лежащее недалеко от железнодорожной станции Апрелевка, пока не закрепилось за ним современное название – А.П.) расположено в одном из живописных мест Наро-Фоминского района. Первое упоминание о «сельце Жодочи» восходит к 1627 году. Оно было расположено на речке Жадычи.

В конце XVIII века это село значилось за Николаем Васильевичем Рагозиным, на дочери которого – Екатерине – женился дворянин, надворный советник, в 1812 году – уездный предводитель дворянства Фёдор Михайлович Вельяминов-Зернов, получивший Жодочи в приданое. Ф.М. Вельяминов-Зернов построил в селе деревянный дом с колоннами, возвёл хозяйственные постройки, разбил парк и заложил фруктовый сад. Именно при Вельяминове-Зернове Жёдочи приобрели известность.

Широко образованный Вельяминов-Зернов и его дети (о них речь впереди – А.П.) были хорошо знакомы с литературной Москвой начала XIX века. В Жёдочи приезжали Н.М. Карамзин, П.А. Вяземский, В.А. Жуковский, С.П. Жихарев, И.А. Крылов, И.И. Дмитриев и другие представители отечественной культуры. 1812 год резко изменил жизнь усадьбы.

А теперь я продолжу свой рассказ с помощью Анисьи Фёдоровны Вельяминовой-Зерновой, в замужестве – Кологривовой, старшей дочери верейского предводителя дворянства (вообще детей у Вельяминовых было шестеро – поровну сыновей и дочерей: братья Владимир, Николай, Фёдор и сёстры: Анисья, Екатерина, Анна – А.П.).

Итак, весной 1812 года, как обычно, стали Вельяминовы готовиться к отъезду в деревни, но тут всю столицу и Россию оголоушило известие: французская армия под предводительством Наполеона пересекла русскую границу.

О том, как отреагировало на эту новость русское общество, как вторжение Бонапарта отразилось на жизни семейства Вельяминовых, Анисья Фёдоровна Кологривова поведала в своих мемуарных записках, опубликованных в 1886 году в журнале «Русский архив». Прочитую отсюда самые интересные для нас моменты:

«...Вся Москва была взволнована, все негодовали на дерзость высокомерного Бонапарта; никто, однако же, не робел и не воображал, чтобы такое государство, как наше, сильное, могучее, могло быть побеждено...

Отцу моему (Фёдору Михайловичу Вельяминову-Зернову – А.П.) надо было спешить ехать в свой уезд принимать ратников, вооружать и одевать их... Никто не сомневался в том, что мы прогоним врага и не допустим идти далее вглубь России. Безстрашие это продолжалось до тех пор, пока узнали, что неприятель подступает к Смоленску...

Опасность росла уже не по дням, а по часам. Мой отец убедил матушку (Екатерину Николаевну Вельяминову-Зернову – А.П.) ехать с детьми

немедленно в орловские наши деревни. Нестерпимо тяжела была наша разлука с ним, в горьких слезах отправилась моя мать в нескольких каретах со всем своим семейством, с гувернантками и учителями для моих меньших сестёр и для меньшего брата (Фёдора – А.П.). Старший же (Владимир, отец будущего учёного-академика В.В. Вельяминова-Зернова – А.П.) был в Петербурге на службе, в собственной канцелярии Государя Императора, а второй (Николай, поручик Брестского пехотного полка – А.П.) находился в действующей армии. Мне шёл тогда 24-й год (Анисья Фёдоровна родилась в 1788-ом году – А.П.). Мы с сестрой (Екатериной Фёдоровной Офросимовой – А.П.) старались всеми силами успокоить матушку в разлуке с отцом нашим и развеять её страх за сына, который был в действующей армии...»

Как ни удивительно, во время этого почти 400-вёрстного пути беженцы везде на почтовых станциях находили лошадей. В Туле путешественников чуть не сбили с толку их знакомые Шереметевы, которые, узнав, что Вельяминовы-Зерновы едут в орловскую деревню, пытались отговорить их от этого и вернуться в Москву, самое, по их мнению, безопасное место.

Но тульский губернатор Н.И. Богданов, сослуживец Фёдора Михайловича Вельяминова и его хороший знакомый, приказал семейству уезжать из города немедленно, потому что неприятель уже вошёл в Смоленск.

Через несколько дней *«...Мы приехали, наконец, без приключений в село наше Корсунское, где проводили бессонные дни и ночи, не отходя от матушки».*

Тем временем закончилось кровопролитное Бородинское сражение, во время которого поручик Николай Вельяминов-Зернов был тяжело ранен, и его привезли в Москву перед самым оставлением её нашими войсками. Узнавший о ранении сына, Фёдор Михайлович Вельяминов успел собрать всех верейских чиновников и сказал им: *«Кому из вас некуда деться и негде искать другого убежища, тех прошу приехать ко мне в Орловскую губернию, где и я буду».* Потом попросил офицера вывести их на безопасную дорогу, по которой на вельяминовских повозках и в сопровождении вельяминовской прислуги все чиновники отправились в направлении Орловской губернии.

Сам же Фёдор Михайлович отправился искать раненого сына и смог найти в почти уже опустевшей Петропавловской больнице. Положив сына в карету, предводитель Верейского дворянства поспешил вслед за отправленными им чиновниками.

А далее снова предоставлю слово Анисье Кологривовой (Вельяминовой-Зерновой):

«...Восьмого сентября мы с матушкой, собираясь к обеду (напомню, что происходит это в селе Корсунское Малоархангельского уезда, и обедня предстояла в Корсунском храме – А.П.), сидели под окном в горьких думах, как внезапно увидели выезжающий из-за флигеля дормез шестериком (дормез – старинная дорожная карета для длительного путешествия, в которой можно спать лёжа, как в кровати, запряжённая четырьмя или шестью лошадьми – А.П.). Матушка почти обеспамятела, мы все спустились на террасу

встречать подъезжающий экипаж. Батюшка, показавшись в дверцах и заслоня собой брата, увидел нашу мать и вскричал: «Благодари, моя милая, Бога; я привёз тебе сына раненого, как героя, но живого». Милого нашего брата вынули из кареты полумёртвого, красивое его лицо покрыто было смертельной бледностью, дыханье было прерывисто, рана была сквозная, так что, когда подносили при перевязке горящую свечу, то её задувало. Не трудно вообразить, что мы ощущали, видя его страдания.

Тотчас послали за доктором за 70 вёрст в Мценск, он ему помог, и когда больной был уже в силах, то рассказы его были очень занимательны. По мере того, как ему становилось легче, нетерпение его возрастало, он умолял родителей моих отпустить его скорее в армию. Брату (напомню, Николаю – А.П.) шёл в это время 21-й год. Родители его благословили и отпустили.

Теперь напишу о том, что происходило с нашими выходцами из Вереи, Жедочей и Москвы. В свободные минуты от ухаживанья за родным братом мы ходили на встречу к этим горьким изгнанникам с места их родины и обменивались с ними горькими слезами. Они со своими стариками и малолетними детьми прибывали кто пешком, кто на подводах со всем своим скарбом, увидев нас, бросались к нам с рыданием и рассказывали о бедствиях Москвы, которая уже горела...

Чиновников, прибывших к нам в Корсунское, поместили родители мои: тех, которые покрупнее званием и чином – с нами в большом доме, а других – во флигелях, а иных – даже в крестьянские избы. Всех их было с прислугой до 70-и человек; их снабжали всеми необходимыми жизненными припасами, а по воскресеньям и по праздникам обедали за нашим столом чиновники с их жёнами, что составляло общество до 40 человек, включительно с нашим семейством. Иные из наших гостей бывали больны от горя, и мы, старшие дети, давали им лекарства и ухаживали за ними. В такой обстановке прожили эти бесприютные четыре месяца (то есть до конца декабря 1812 года – А.П), после чего, снабжённые родителями моими чем можно, отправлены были в наших повозках к себе.

Расставшись с своими печальными гостями, мы переехали в другое наше село, Суворово, чтобы быть ближе к Мценску, где был в случае нужды знаменитый доктор Филипович...».

Церковь Спаса-на-Песках в Москве, недалеко от которой находился дом Вельяминовых-Зерновых

В орловских имениях Вельяминовы-Зерновы пробыли до 1815 года, пока не были отремонтированы разгромленные французами их дом на Арбате в Москве и имение Жедочи в Верейском уезде («Солдаты выпили всё вино, хранившееся в погребах, бесчинствовали. Всё били и ломали, изрубили фортепиано и топили им камин» - писала Анисья Фёдоровна – А.П.) , но и после 1815 года каждое лето, на два месяца, приезжали они на Орловщину, в Корсунское и Суворово, постоянно добром вспоминая эти сёла и их жителей, разделивших с ними испытания в трудный год нашествия Бонапартова...

Анисья Вельяминова (Кологривова) и Алексей Мерзляков

Алексей Фёдорович Мерзляков

А теперь, уважаемый читатель, от рассказа о событиях 1812 года я перейду к повествованию о судьбе самой Анисьи Кологривовой, поскольку она воистину замечательна и тесно связана не только с нашим краем и селом Корсунским, но и с выдающимися представителями отечественной культуры.

В русской поэзии есть стихотворение, написанное более 200 лет тому назад и почти сразу же ставшее песней, которую поют и до сих пор – поистине уникальное явление в нашей культуре. Называется эта песня - «Среди долины ровныя». А в русской живописи имеется не менее известная картина художника Ивана Шишкина под точно таким же названием. Как ни удивительно, и песня, и картина своим

появлением обязаны нашей землячке, орловской помещице Анисье Вельяминовой-Зерновой (в замужестве – Кологривовой), той самой, о которой шла речь выше.

Одни из самых просвещённых людей своего времени, Вельяминовы-Зерновы были хорошо знакомы с видными деятелями русской культуры первой половины XIX века. В их подмосковный дом в имение Жедочи постоянно приезжали Николай Карамзин, Пётр Вяземский, Василий Жуковский, Иван Крылов, Иван Дмитриев и другие известные писатели и поэты тех лет. Не последней персоной в этом славном коллективе был профессор Московского университета Алексей Мерзляков, приглашённый в дом Вельяминовых-Зерновых для того, чтобы давать уроки словесности старшей дочери Анисье.

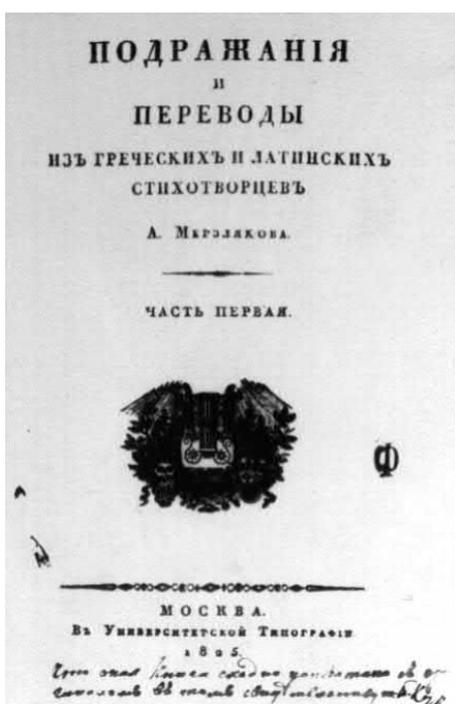
Алексей Фёдорович Мерзляков, родившийся в небогатой купеческой семье, благодаря своим способностям, к 30 годам сделал блестящую карьеру. Закончив Московский университет первым учеником, с золотой медалью, он в 1804 году занял (и занимал до самой своей смерти) в этом университете кафедру российского красноречия и поэзии; с 1817 года стал деканом

словесного отделения, с 1821 по 1828 год был действительным и самым деятельным членом Общества любителей российской словесности и его председателем. Не проходило ни одного собрания, в котором Алексей Фёдорович не читал бы своих стихов или прозы. Кроме того, Мерзляков являлся также действительным членом Общества истории и древностей российских, Казанского и Ярославского обществ любителей российской словесности. Виленский университет избрал его в свои почётные члены. Публичные лекции профессора Мерзлякова имели большой успех. Их посещали не одни только молодые любители словесности, но и знатнейшие особы столицы, видные литераторы, дамы.

Алексей Фёдорович преподавал также в Благородном пансионе при Московском университете, где в 1828—1830 годах учился Михаил Лермонтов, которому Мерзляков давал также и частные уроки на дому, оказав сильное влияние на мировоззрение будущего великого русского поэта. А среди студентов, с огромным вниманием и наслаждением слушавших лекции Мерзлякова, были Дмитрий Веневитинов, Александр Полежаев, Фёдор Тютчев и Александр Грибоедов.

Так что учитель Анисье Вельяминовой достался первостатейный. Она с первых минут знакомства с Алексеем Фёдоровичем стала обожать его как преподавателя, да, наверное, и испытала более глубокие чувства, а сам профессор Мерзляков, увидев молодую и красивую ученицу, влюбился в неё с первого взгляда.

Скромный учитель так и не смог объясниться в любви с глазу на глаз с Анисьей, но зато сделал это в большом цикле стихотворений, посвящённом ей. В большинстве из них он называет свою возлюбленную Элизой, в некоторых – Нисой (явное сокращение от имени *Анисья* – А.П.)

Одна из книг Мерзлякова

«Русский архив за 1886 год»

*О боже праведный! Последний час пошли
Сперва ко мне, не к ней!
В ком ты достойнее сияешь на земли?
В душе Элизы – в ней!*

*Чем лучше возмогу тебе я угождать,
Как не любовью к ней?
И там, на небесах, в обители отрад,
Моя отрада в ней!*

Когда Алексею Фёдоровичу стало ясно, что чувство его безответно, то, опять-таки, он выразил это стихами:

*Когда б я был любим... сокройтесь, сны златые:
Богатства, суеты, фортуна, мир забыт!
Свобода и любовь - цари мои земные!
В них счастье, а без них и счастье - ложный вид!*

*Но что, безумец, я - какой пленен мечтою?
Надежда, удались! Мне ль радостей искать?
Другому быть твоим, другому жить тобою!
А мне... о призраке погибшем унывать!..*

Мы не знаем до конца всей тайны взаимоотношений двух молодых людей, было ли между ними решающее объяснение или нет. Но если и было – оно оказалось печальным для поэта Мерзлякова, наверняка, сказались сословные различия, поскольку в дворянском кругу Алексей Фёдорович своим себя считать не мог.

И вот однажды в Жодочах, по прошествии двух лет знакомства и страданий, когда, по воспоминаниям одного из родственников Мерзлякова, «Алексей Федорович был особенно грустен, он вдруг заговорил о своем одиночестве. Потом взял мел и на ломберном столе начал писать. Ему дали перо с бумагой, и он записал все стихотворение, родившееся у него экспромтом. Это было прославившее потом Мерзлякова «Одиночество», почти сразу ставшее песней под названием «Среди долины ровныя». Вскоре ее подхватила и запела вся Россия. А через несколько лет песня уже считалась народной».

Я процитирую два куплета из неё (первый и последний):

*Среди долины ровныя,
На гладкой высоте,
Цветет, растет высокий дуб
В могучей красоте...*

*Возьмите же всё золото,
Все почести назад;
Мне родину, мне милую,
Мне милой дайте взгляд!*

«Среди долины ровныя» – картина Ивана Шишкина

Один из современных исследователей творчества Мерзлякова так её оценил: *«Песня потрясает простотою и печалью. Она ясна и величественна во всем - в понимании трагедийности жизни, в стойкости, с какой герой ее, подобный одинокому могучему дубу, переносит свое одиночество и тоску, эта песня о неразделенной любви... Это истинно русская песня, хотя бы потому, что автор ее не отделяет своей любви от любви к родной земле, это песня о Родине и о том особенном, щемлящем душу чувстве, что и составляет, пожалуй, основу русского патриотизма».*

Эту знаменитую песню, как и почти все остальные два десятка, Алексей Фёдорович Мерзляков посвятил Анисье Вельяминовой-Зерновой.

Потом ещё целых два года поэт, критик и переводчик Мерзляков продолжал приезжать в Жодочи – только для того, чтобы в очередной раз увидеть свою ненаглядную. С нашествием Наполеона и приближением французов к Москве, когда семейство Вельяминовых-Зерновых собиралось отъехать в орловские имения, Алексей Фёдорович провожал Анисью в дальний путь и, не выдержав, сам отправился вместе с нею на Орловщину.

Проведённые в селе Корсунском четыре месяца, когда он каждый день видел Анисью Фёдоровну, мог поговорить с нею и даже помочь ей в чём-то, остались в памяти поэта одними из самых лучших и запоминающихся в его жизни.

А потом их пути разошлись навсегда. В 1815 году профессор Мерзляков женился на женщине своего круга, Любви Васильевне Смирновой. В супружестве прожил 15 лет, был примерным супругом и отцом четверых детей. 26 июля 1830 года автор «Среди долины ровныя» скончался, заболев

холерой. 29 июля признательные ученики похоронили своего профессора на Ваганьковском кладбище, где чуть позже соорудили на его могиле памятник.

Малоархангельская же помещица Анисья Фёдоровна Вельяминова-Зернова очень долго не выходила замуж, и только в 45-летнем возрасте, уже после смерти Мерзлякова, решила связать свою судьбу с капитаном гвардии Степаном Ивановичем Кологривовым. Умерла она в Москве, на 88-ом году жизни, оставив потомству «Записки из семейных воспоминаний». В этих живых и колоритных мемуарах Анисья показала немалые литературные способности, над развитием которых потрудился когда-то профессор Мерзляков, но о самом Алексее Фёдоровиче автор «Записок» предпочла умолчать.

В 1883 году художник Иван Шишкин, потерявший любимую жену и жестоко страдавший от одиночества, увидел однажды огромный, отдельно стоящий, дуб, вспомнил мерзляковскую песню «Среди долины ровныя» - и написал вскоре не менее прославившуюся картину с таким же названием.

Два настоящих шедевра в разных жанрах – другой такой пример в истории русской культуры подобрать трудно. И появлению обоих своей жизнью поспособствовала наша землячка - публицистка, переводчица и мемуаристка Анисья Вельяминова-Зернова (Кологривова).

Владимир Вельяминов – первый русский учёный-правовед

О П Ы Т Ъ
НА Ч Е Р Т А Н І Я
РОССІЙСКАГО ЧАСТНАГО
ГРАЖДАНСКАГО ПРАВА.
Сочиненіе
В. ВЕЛЬЯМИНОВА - ЗЕРНОВА,
Кол. Ассес. и Члена С. П. бургскаго Вольнаго Общества
Любителей Словесности, Наукъ и Художествъ.

ЧА С Т Ъ I.
Право Лицб.

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ,
въ Типографіи Правительствующаго Сената.
1814.

**Книга В.Ф. Вельяминова-
Зернова**

В 1814–1815 годах в Санкт-Петербурге, в типографии Правительствующего Сената, двумя частями, вышла книга под названием «Опыт начертания российского частного гражданского права», вызвавшая бурное обсуждение среди российских правоведов. Автором сочинения оказался коллежский ассессор и член Санкт-Петербургского Вольного общества Любителей Словесности, Наук и Художеств Владимир Вельяминов-Зернов, старший сын большого и дружного семейства московско-орловских помещиков Фёдора Михайловича и Екатерины Николаевны Вельяминовых-Зерновых.

В этом двухтомном труде Владимир Фёдорович впервые дал характеристику Российского законодательства за весь период его существования и постарался сформулировать научные основы гражданского права для российских условий

начала XIX века.

Часть первую своей книги Вельяминов-Зернов назвал «Права лиц», и в ней он рассмотрел как теоретические проблемы данной важнейшей отрасли, так и практические моменты реализации этих прав.

Регулирование взаимоотношений помещиков и крепостных крестьян учёный рассмотрел в таких разделах, как «О власти господской над крепостными людьми», «Каким образом приобретаются крепостные люди», «Кто может, и кто не может приобретать крепостных людей и владеть оными», «О власти помещиков», «Об отпущении на волю». Важное место в книге заняли вопросы взаимоотношений родителей и детей, заключения брака, установления родства и опекуинства.

В части второй книги («Право вещей») Владимир Фёдорович подробнейшим образом охарактеризовал имущественные взаимоотношения в российском обществе.

Сочинение В.Ф. Вельяминова-Зернова «Опыт начертания российского частного гражданского права», без всяких сомнений, может быть названо первым трудом по русскому гражданскому праву, имеющим научные достоинства. Книга эта оказала несомненное влияние на составление Свода Законов Российской империи, поскольку система X тома этого Свода прямо заимствована из этого сочинения, а многие определения его буквально выписаны из труда Вельяминова-Зернова. Для императора Александра I, по его словам, книга стала настольной.

Ко времени написания своего главного сочинения Владимиру Фёдоровичу исполнилось только 30 лет, но он уже был известен среди московских и петербургских юристов как крупный знаток российских законов. После окончания в 1804 году юридического факультета Московского университета он в течение десяти лет был редактором в комиссии составления законов, потом служил старшим чиновником II отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии. Готовясь к написанию своей книги, Вельяминов-Зернов ещё в 1810 году перевёл с французского языка известный в Европе труд Х. Шлецера «Начальные основания права римского, гражданского и законоположения уголовного».

Впрочем, Владимир Фёдорович не ограничивался только юридической сферой. Он был человеком разносторонних интересов. Зная несколько иностранных языков, занимался переводами и литературных произведений (чаще всего, - либретто итальянских опер, которые любил посещать).

Его современник, Степан Петрович Жихарев, в своих мемуарах написал: *«Вельяминов-Зернов служит по министерству юстиции... Он малый очень неглупый и со сведениями, ... удивительно легко пишет стихи: не более как в четверть часа он, для доказательства своей способности, перевел одну большую арию из оперы "Импрезарио"»*.

Вот небольшой отрывок оттуда:

*«Этим людям не платите:
Лишь ласкайте их, да льстите,
Все сулите, да сулите -*

*Вот и будет благодать.
Но уважьте дар поэта,
Заплатите вы ему;
Это нужно потому,
Что блестящая монета
Блеск придаст его уму».*

Владимир Фёдорович долгое время был постоянным участником литературного общества «Беседа любителей русского слова», а в 1805 году даже издавал собственный литературный журнал «Северный Меркурий» (вышло пять номеров). Среди товарищей по литературному цеху Вельяминов-Зернов прославился своими афористичными высказываниями. Сохранилось, к примеру, такое: *"Самолюбие, - говорил он, - есть неизлечимая слабость всех авторов и актеров и в людях талантливых также извинительно, как в бесталанных смешно и даже гадко"*.

Женился первый русский учёный-правовед достаточно поздно, на четвёртом десятке. Его избранница, Анна Яковлевна Ханыкова, была представительницей известного семейства, внесённого в Дворянскую родословную книгу Орловской губернии. Единственный сын их, Владимир Владимирович Вельяминов-Зернов, стал известным русским учёным-востоковедом и общественным деятелем (*о нём читай очерк далее – А.П.*).

Могила Владимира Фёдоровича Вельяминова-Зернова

Владимир Фёдорович Вельяминов-Зернов скончался 17 января 1831 года, не дожив и до 50 лет. Похоронен он на Тихвинском кладбище Александро-Невской Лавры.

Судьбы военные.

Николай и Фёдор Вельяминовы

В судьбах Николая и Фёдора Вельяминовых-Зерновых – много общего. Средний и младший братья, они, по завершении домашнего образования под руководством француза Реми, связали свою жизнь с военной службой, хотя и в разные годы.

Николай Фёдорович Отечественную войну 1812 года встретил 21-летним подпоручиком Брестского пехотного полка. Первый бой принял под Смоленском (за отличие получил звание поручика). В Бородинском сражении был тяжело ранен, привезён в госпиталь в Москву, откуда отец, Фёдор Михайлович, доставил Николая для излечения в село Корсунское. Здесь, на свежем воздухе, при постоянном и внимательном уходе матери и любящих родных сестёр, герой Бородинского сражения быстро поправлялся. Выздоровливая, Николай сблизился со многими соседями-помещиками и служилыми людьми. Когда у секретаря Малоархангельского земского суда Гаврилы Климонтова родился сын, крестным отцом его стал Николай Вельяминов.

В декабре 1812 года, окончательно выздоровев, поручик покинул гостеприимное село Корсунское и отправился в действующую армию, успев принять участие во многих сражениях 1813-1814 годов (под Лейпцигом, Кобленцем и Мецем). За мужество в «Битве народов» под Лейпцигом был награждён орденом Святой Анны 4 степени.

По возвращении из-за границы, во время отпусков, Николай Фёдорович Вельяминов-Зернов регулярно приезжал в ставшее ему близким и родным село Корсунское. Здесь в 1818 году он ещё раз выступил в роли крёстного отца, на этот раз - при рождении сына у пономаря Корсунской церкви Михаила Алмазова.

Последствия тяжёлого ранения на Бородинском поле сказались на здоровье Н.Ф. Вельяминова-Зернова, и он ушёл в отставку в чине полковника, когда ему исполнилось 35 лет. Дата его смерти и место захоронения неизвестны.

Осада Варны 1828 года (картина Александра Зауэрвайда, 1836 год)

Военная судьба Фёдора, младшего из братьев Вельяминовых-Зерновых, оказалась короткой и трагической. Будучи офицером Генерального штаба русской армии, он принял участие в русско-турецкой войне 1828-1829 годов и погиб при осаде русскими войсками крепости Варна в сентябре 1828 года.

Николай и Фёдор Вельяминовы-Зерновы женаты не были, и потому единственным прямым наследником имения в селе Корсунское стал Владимир Владимирович Вельяминов-Зернов, о судьбе которого я сейчас расскажу.

Владимир Владимирович и его «замечательное имение»

Он родился 31 октября 1830 года в Санкт-Петербурге, окончил курс в привилегированном Императорском Александровском лицее (*том самом, что назывался ранее Царскосельским – А.П.*). Там же развилась у него страсть к восточным языкам, и Владимир стал брать уроки еврейского, арабского и персидского языков — у профессоров университета и института Восточных языков.

В.В. Вельяминов-Зернов

По окончании в 1850 году Александровского лицея В.В.Вельяминову-Зернову был присвоен высший для выпускников чин IX класса – титулярного советника, что позволило ему самому выбрать место службы – Азиатский департамент Министерства иностранных дел. Это определило дальнейшую судьбу и карьеру Владимира Владимировича: он стал первым русским учёным-востоковедом, автором множества научных работ по восточной тематике и Почётным академиком

Российской академии наук.

Однако, куда бы Вельяминова-Зернова, по долгу службы, не забрасывала судьба: в Оренбургский край, в Петербург или Киевскую губернию – он оставался верен любимому Корсунскому, приезжая в село во время отпусков или даже на время болезни.

Именно с этим селом связаны ключевые моменты жизни известного русского учёного. В апреле 1858 года в Корсунской церкви произошло венчание В.В. Вельяминова-Зернова и орловчанки Анны Семёновны Корсаковой.

Брак был почти идеальным. Но единственная дочь София скоростижно умерла в отрочестве, и больше детей у Вельяминовых-Зерновых так и не появилось. Безутешный Владимир Владимирович похоронил единственную дочь рядом с Корсунской церковью, а над могилой поставил замечательной красоты часовню.

С тех пор он предпочитал свободное от службы время проводить в родном имении, рядом с жившей здесь постоянно женой и безвременно покинувшей их дочерью. А с 1879 по 1888 год Вельяминов-Зернов жил в Корсунском постоянно. В этот период жизни он исполнял обязанности Малоархангельского

уездного предводителя дворянства, попутно состоя членом Орловской учёной архивной комиссии. Чтобы всё необходимое было у него, как учёного, под руками, Владимир Владимирович начал преобразовывать и благоустраивать усадьбу.

Дом в имении он превратил в настоящий музей. Стены были увешаны портретами предков, среди которых находились и последние представители рода Годуновых. Два зала Вельяминов-Зернов отвёл под выставку оружия, в том числе и восточного, собиранием которого Владимир Владимирович занимался много лет. Ещё один кабинет был занят большой коллекцией восточных монет, завещанной им впоследствии Эрмитажу (*18 000 экземпляров, в том числе редких, - ни до, ни после этому музею никто не дарил – А.П.*).

Но главной гордостью учёного являлась огромная библиотека, насчитывавшая 12 000 томов, значительная часть которых – по истории Востока и на восточных языках. В отдельной башне, примыкавшей к библиотеке, находился архив Вельяминова-Зернова (*письма XVIII-XIX веков, древние столбцы, письма М.М.Сперанского и рукописи самого учёного*).

Колонна от въездных ворот в усадьбу Вельяминовых - единственное, что осталось от усадьбы

Ухоженно образцовым выглядело и всё хозяйство Вельяминова, разместившееся на более чем 3 000 десятинах земли. В его же парк, засаженный разнообразными и редкими деревьями, приезжали полюбоваться многие окрестные помещики.

Тайный советник, Почётный академик и бывший попечитель Киевского учебного округа скончался после тяжёлой болезни в Киеве в январе 1904 года. По завещанию похоронили Владимира Владимировича в селе Корсунское, в той же часовне, которую он поставил для любимой дочери, - и рядом с ней.

По воспоминаниям П.Н. Мочульского, инспектора народных училищ Орловской губернии, Вельяминов-Зернов *«оставил о себе добрую память как учёный, археолог, коллекционер и редкой сердечной доброты человек»*.

Само Корсунское имение, после смерти в 1914 году вдовы Владимира Владимировича, Анны Семёновны, перешло, по наследству, дальним родственникам – князьям Ухтомским.

К сожалению, культурное гнездо, свитое выдающимся ученым в одном из уголков Орловщины и бережно им охраняемое, после установления Советской власти было постепенно разорено. Хотя, надо сказать, что коллекциям Вельяминова-Зернова ещё повезло, поскольку ценнейшую библиотеку в 1919

году перевезли в Музей Восточного искусства. О монетах я уже говорил, а вот об остальном остались только воспоминания.

Один из князей Ухтомских, Давид Александрович, прапорщик 308 Чебоксарского полка, живший в Успенском после возвращения с фронта I Мировой войны, после приближения к Малоархангельскому уезду осенью 1919 года деникинцев, пытался пробраться к ним, но был застрелен при уходе местными представителями Советской власти. Какова судьба его брата Всеволода и матери-княгини – я пока не выяснил.

В национализированном имении Вельяминовых-Зерновых-Ухтомских все 90 последующих лет располагалась местная Корсунская школа. Правда, от тех, родовых вельяминовских зданий давно ничего не осталось. Последнее было уничтожено во время Великой Отечественной войны: линия фронта более года проходила рядом с Корсунью, в котором всё тогда превратилось в головешки.

Уничтожены были замечательная церковь Корсунской иконы матери Божией и часовня с могилами Вельяминовых-Зерновых, вырублена большая часть парка. Казалось бы, совсем ничего не осталось от светлых ликов прошлого.

Но в 2008 году в селе Корсунь (*ныне – Верховского района*) воскресла из пепла новая, небольшая, деревянная церковь. А в бывшей усадьбе Вельяминовых, в здании закрытой Корсунской школы, поселились монахини открывшегося вскоре женского монастыря во имя Иоанна Богослова. И за несколько лет здесь случились (или произошли) колоссальные изменения, которые позволяют сказать, что село Корсунское (Корсунь) возрождается из забвения, и к нам возвращается наше духовное прошлое.

Шляхтичи Квитницкие *(Тайна последнего польского короля)*

Кроме Рогозиных и Вельяминовых-Зерновых, владевших селом Корсунское, проживали в приходе Корсунской церкви и другие дворянские семьи, может быть, менее известные и родовитые, но часто с очень интересными судьбами. Этот рассказ – о потомке польского шляхтича, поселившегося в орловской глубинке.

Герб дворян Квитницких

11 января 1838 года в селе Корсунское Малоархангельского уезда хоронили местного помещика, подполковника в отставке, Акима Фёдоровича Квитницкого. Событие нерядовое для здешних мест: кавалер нескольких орденов, участник войны с Наполеоном, владелец имения в сельце Самарка, он скончался на 64-м году жизни.

Среди тех, кто пришёл проститься с покойным, оказался и человек, совсем для родственников и дворян-соседей

незнакомый, да ещё и в генеральской форме. Всё объяснилось, когда по завершении траурной церемонии он попросил слова: *«Господа, разрешите представиться, Ксенофонт Фёдорович Квитницкий, генерал-лейтенант, комендант города Вильно. Я младший брат Акима Фёдоровича».*

На поминках, после третьей рюмки, генерал рассказал малоархангельским дворянам удивительную историю про двух братьев-поляков из знатного шляхетского рода, которые в конце 80-х годов XVIII века поступили на русскую службу и за короткое время сделали себе карьеру.

Аким Квитницкий 25 лет прослужил в в Изюмском легкоконном (переименованном потом в Гусарский) полку, в составе которого участвовал в русско-турецкой войне 1787—1791 годов, в русско-польской войне 1792 года и подавлении польского восстания 1794 года, в русско-пруско-французской войне 1806-1807 годов, в Отечественной войне 1812 года и Заграничном походе русской армии 1813-1814 годов.

За проявленные отличия награждён был орденами Св.Владимира 4 степени с бантом и Св.Анны 2 класса, орденом Св.Георгия 4 класса и за участие в кампании 1812 года серебряной медалью на голубой ленте. К 1815 году получил чин майора, а ушёл в отставку в 1822 году подполковником с мундиром и пенсией.

А вот младший брат Ксенофонт, поступивший в военную службу двумя годами позже, успел обойти Акима чинами, дойдя до генералов. По этой причине или какой другой, но отношения между братьями давно были испорчены. И вот теперь смерть одного примирила их.

Побывав на следующий день на могиле старшего брата и помолившись за упокой его души в Корсунской церкви (*подчеркну, что все Квитницкие приняли православие – А.П.*), генерал-лейтенант отбыл в Вильно.

С тех пор прошло почти сорок лет, и о братьях Квитницких начали было забывать в селе Корсунском, как с конца 80-х годов сюда, за короткое время, один за другим, состоялось ещё целых три генеральских визита. Местные помещики быстро выяснили, что гостями были родные племянники похороненного у Корсунского храма подполковника, сыновья виленского коменданта – Леонид, Виктор и Эраст Ксенофонтовичи Квитницкие. Все трое – герои нескольких войн, награждённые многочисленными орденами, первые двое – генерал-лейтенанты, а последний – аж генерал от кавалерии. Каждый из них при посещении села Корсунского говорил, что хотел бы почтить память дядюшки, но вскоре среди бывших военных слух прошёл, что генералы в селе Корсунском и имени Самарке что-то искали. Искали – но не нашли.

Корсунская церковь, у стен которой был похоронен подполковник Квитницкий

Дорога из Корсуни на Самарку

А спустя некоторое время после визита последнего из генералов уже и орловская полиция пожаловала в Корсунское и Самарку. Оказалось, что покойный подполковник, будучи ещё корнетом, служил в Петербурге в охране последнего польского короля Станислава Августа Понятовского. Отрекшийся от престола в 1795 году, бывший король до самой смерти в феврале 1798 года жил в одном из дворцов на Каменном острове Санкт-Петербурга.

Когда при странных обстоятельствах Станислав Понятовский скончался, его торжественно похоронили в католическом костёле Святой Екатерины. Праху бывшего польского короля были отданы царские почести.

В середине XIX века при посещении родственниками короля его захоронения стало ясно, что некоторые реликвии оттуда пропали. Началось расследование, длившееся несколько десятилетий.

В числе подозреваемых оказался и покойный Аким Фёдорович Квитницкий. Ведь чем можно было объяснить, что уважаемый военный, кавалер, уйдя в отставку с мундиром и пенсией, поселяется в глуши Орловской губернии, покупая себе небольшое имение, и никуда потом не выезжает? Неужели только тем, что захотелось ему семейной жизни и хозяйства? Одиннадцать детей – это замечательно, но, опять-таки, - ещё один способ скрыть «старые грехи». Соседи-дворяне, приезжавшие к отставному подполковнику в гости, вспоминали, что в помещичьем доме были комнаты, в которых никто из них не бывал. Вывод-то напрашивался: Акиму Квитницкому было, что скрывать.

Понятовский – последний польский король

Костёл Святой Екатерины в С-Петербурге

И ещё одно обстоятельство при расследовании вызвало подозрение. Польская фамилия КвИтницкие писалась по-русски через «И», и в послужном списке подполковника он везде значился именно так, но при рождении всех своих детей, крестившихся в Корсунской церкви, Аким Фёдорович записал их как КвЕтницких. Зачем?

Однако все косвенные подозрения в отношении умершего малоархангельского помещика ничем подтвердить не удалось, да и в самом доме его наследников каких-либо реликвий польского короля найдено не было – ни племянниками-генералами, ни орловской полицией.

Что к настоящему времени известно точно о прахе последнего польского короля? 30 июля 1938 года его останки были вывезены в Польшу в небольшой посёлок Волчин на реке Пулве в 35 км от Бреста, где ранее находилось родовое поместье Станислава Августа Понятовского. После начала Второй мировой войны и вступления советских войск в Польшу прах короля в Волчинском католическом храме, который находился на части польских земель, присоединенных к Белорусской ССР, вновь оказался на советской территории.

В октябре 1988 г. польское правительство обратилось к М.С. Горбачеву с просьбой дать возможность перезахоронить прах Станислава-Августа в Варшаве. Эта возможность была предоставлена, и то небольшое, что сохранилось (*фрагменты одежды с королевскими польскими гербами, и обуви царствующей особы, а также части коронационного плаща, в котором Понятовский восходил на польский престол*) было возвращено польской стороне в декабре 1988 года.

А в 1989 году белорусскими учёными была предпринята попытка разыскать во внутренних развалинах костёла в Волчине доказательства присутствия здесь королевских останков. Найденные части дубового гроба поместили в саркофаг, который в 1995 году установили в Варшаве, в костёле святого Яна, где Станислав Понятовский был коронован. Было найдено также

множество костей, но после оказалось, что это кости животных. Последующая экспедиция из Польши буквально просеяла всю землю в месте захоронения, но результат оказался отрицательным – человеческие останки не были обнаружены. О том, куда подевались забальзамированное тело Станислава-Августа, бронзовая корона с позолотой, два серебряных сосуда с сердцем и внутренностями короля (таковым, по описаниям современников, было содержимое гроба), можно строить только догадки.

Мемориальная плита в Волчинском костёле

Кто знает, может быть, какие-то из этих реликвий до сих пор спрятаны где-то в подземельях уничтоженного имения Акима Фёдоровича Квитницкого в исчезнувшей ныне орловской деревне Самарке?

Приложения

«Дело о внесении подполковника Акима Квитницкого и его сыновей в Дворянскую родословную книгу Орловской губернии»

(Протоколы Орловского дворянского депутатского собрания за 1835 год,

ГАОО, ф.68, ед.хр.43, стр.191-194)

1835 года, июля 17 дня, слушали о внесении Малоархангельского помещика, отставного подполковника и кавалера Акима Фёдоровича Квитницкого 2-ого с сыновьями его Николаем и Петром в Дворянскую родословную книгу.

Прошение он написал 27 июня 1835 года.

Представил документы:

1) Указ об отставке от воинской службы от 1825 года, ноября 18 дня под №1454, за подписанием Главнокомандующего 1-ой армией, что ныне Генерал-фельдмаршала и кавалера Графа Сакена;

2) Метрические свидетельства о законном рождении детей его;

3) Из Указа об отставке.

Господин Квитницкий, 48 лет, из польского шляхетства, в службу вступил кадетом 1788 года, марта 9 дня, в Изюмский легкоконный, что ныне Гусарский полк, в коем – карнетом 1794, июля 31 дня, поручиком -1800, сентября 30 дня, штабс-ротмистром – 1805 ноября 6 дня, ротмистром – 1806 августа 14 дня, майором – 1813 сентября 30 дня, переведён в Черниговский Конноегерский полк 1815 января 31 дня.

Был в походах и сражениях против неприятеля и за оказанные в оных отличия награждён орденами: Св.Владимира 4 степени с бантом и Св.Анны 2 класса, имеет за 25-летнюю службу орден Св.Георгия 4 класса и за участие в кампании 1812 года серебряную медаль на голубой ленте.

В домовых отпусках, штрафах и под судом не бывал.

Женат, имеет сына Николая и дочь Екатерину, к повышению аттестован достойным; а 1822 года марта в 17 день по Высочайшему Его Императорского Величества приказу уволен от службы за болезнь подполковником, с мундиром и за свыше 30-летнюю службу пенсионом половинного жалованья.

В списках по форме, в жалованной Дворянству грамоте показал себя 61 года от роду (получается, 1774 года рождения), женатым, имеющим сыновей Николая и Петра, и дочерей: Екатерину, Марью, Анну, Елизавету, Софию и Наталью.

Недвижимого имения благоприобретённого Малоархангельского уезда в сельце Самарке за ним – 22 и за женою его 18 душ. Жительство имеет в означенном сельце Самарке.

Определили: подполковника и кавалера Акима Фёдоровича Квитницкого и сыновей его Николая и Петра внести в третью часть Дворянской родословной книги Орловской губернии.

С 1859 года помещицами сельца Преображенское значатся девица София Иакимовна Кветницкая и капитанша Екатерина Иакимовна Плескачевская.

Кветницкие из сельца Самарка, прихожане Корсунского храма:

Кветницкий Аким Фёдорович, с 1820 года – помещик сельца Самарка (позже – Преображенское), с 1823 года – подполковник, (1774 – 9 января 1838 года, умер от горячки и икоты), жена – Анна Иванова дочь (1785 – 18 ноября 1840 года, умерла от чахотки).

Оба похоронены на приходском кладбище села Корсунское.

Дети:

Екатерина (26 апреля 1833 года вышла замуж за Романа Павловича Плескачевского),

Николай (6 октября 1818 г),

Мария (1819 – 26 февраля 1841 года, от чахотки, 21 год)

*Анна (5 февраля 1821г.),
Елисавета (14 января 1823г.),
Михаил (22 мая 1824г. – умер до июля 1835 года),
София (1 декабря 1825г.),
Пётр (14 января 1827 г.),
Александра (январь 1829 – 24 июля 1829г.),
Наталья (20 октября 1830г.),
Ольга (1833 – 20 января 1834 года).*

Козаковы (Казаковы), Габель, Плескачевские, Дуве и другие помещики – прихожане Корсунской церкви

Прихожанами Корсунского храма в течение многих десятилетий, кроме перечисленных выше Рагозиных, Вельяминовых-Зерновых, Квитницких, являлись и другие помещики «средней руки», жившие в ближних имениях, разбросанных по периметру вокруг села Корсунское. Я коротко расскажу о них с помощью документов ГАОО (в основном, это протоколы Орловского дворянского депутатского собрания – А.П.).

Самое многочисленное семейство – это Козаковы (Казаковы, единого написания этой фамилии не было – А.П.) из сельца Никольское. В Государственном архиве Орловской области мне удалось найти несколько документов, с помощью которых я выяснил основные моменты их родословной истории.

«Дело о древнем дворянстве рода штабс-капитана Ивана Ильича Козакова»

***(Протоколы Дворянского Депутатского собрания за 1835 год,
ГАОО, ф.68, оп.1, ед.хр.13, стр.53-56 оборотная)***

1835 года, февраля, 28 дня в Орловском Дворянском собрании слушали выписку из дела о древнем дворянстве рода Малоархангельского помещика, штабс-капитана Ивана Ильича Козакова.

Обстоятельства дела суть следующие: пример-майор Михайла, секунд-майор Алексей и артиллерии штык-юнкер Фёдор Андреевы дети Козаковы, в доказательство дворянского происхождения, представили в сие Собрание 10 декабря 1791 года Всемилостивейше пожалованную в 24 день декабря 1790 года Грамоту за собственноручным подписанием Ея Императорского Величества Государыни Императрицы Екатерины Алексеевны.

В сей грамоте изображено, что Г.г. Козаковы происходят из фамилии издревле благородной, так, что предки их:

пращур родной Леонтий в 7162 году и двоюродный Фома Никитины дети написаны в орловских десятнях между дворянами и детьми Боярскими, которые разбираны и пересматриваны отпавленными из разряда.

Отец их, Андрей Павлов сын, состоял в службе с 1731 года и пожалован за оную чином надворного советника. А как они, Козаковы, на древнее дворянство диплом не имеют, то в воздаяние ревностных заслуг их и возведены в Дворянское Всероссийской Империи достоинство, чтобы им и потомству их по нисходящей линии в вечные времена всеми теми вольностями, честью и преимуществами пользоваться, которыми и другие дворяне по Императорским правам, учреждениям и обыкновениям пользуются.

Почему Г.г. Алексей, Михаил и Фёдор Андреевы дети Козаковы, как от древняго Дворянства происшедшие и в оном Ея Императорского Величества утверждённые, внесены на основании 82-ой статьи, Всемилоостивейше пожалованной Дворянству в 21 день апреля 1785 года, в 6-ую часть Дворянской родословной книги внесены 24 октября 1793 года.

После чего к роду Г.Г.Козаковых сопричислены показанные ими в своей поколенной родословной росписи двоюродные братья их: Подпоручик Пётр Михайлов и Поручик Андрей Петров с сыновьями Михаилом, Петром и Павлом, и двоюродный племянник, Штабс-капитан Иван Ильин, сын Капитана Ильи Петрова Козакова;

из родословной же росписи видно, что родной дед Секунд-майора Алексея, Пример-майора Михаила и штык-юнкера Фёдора Козаковых Павел Петров имел четырёх сыновей: Андрея, Игнатия, Петра и Михаила.

От Андрея произошли означенные Алексей, Михаил и Фёдор,
от Игнатия – Иван,

от Петра – Илья, Капитан, и Андрей, Поручик. и от Михаила – Пётр, Подпоручик.

Ныне сын Капитана Ильи Петровича Козакова – штабс-капитан Иван Ильич, в поданном в сие Собрание прошении, изъясняя, что как внесение его с сыновьями Николаем, Андреем и Иваном в 6-ую часть Дворянской родословной книги основано токмо свидетельствованием двоюродных братьев его, титулярного советника Михаила и Поручика Петра Андреевых Козаковых, в дополнение представляет:

1. разрядную запись прадеда его, новосильца Павла Петрова сына Козакова, совершённую у крепостных дел в Новосиле 1707 года, декабря, 21 дня;

2. отдельные акты из Новосильского уездного суда, выданные 1722 года, мая 30 и 1816 года, августа 2 дня за № 633, из коих явствует, что родовым и благоприобретённым имением родного деда его, из дворян коллежского протоколиста, Петра Павловича Козакова, наследовали отец просителя, Капитан Илья, и дядя, Поручик Андрей Петровы дети Козаковы, а имением Ильи он, Штабс-капитан Иван Ильич Козаков с братьями его, Штабс-ротмистром Васильем, Поручиком Афанасьем, коллежским регистратором Степаном и Капитаном Александром Ильиными, детьми Козаковыми;

3. свидетельство коллежского асессора Фёдора Фёдоровича Козакова, троюродного брата просителя, их родной прадед – новосилец Павел Петрович Козаков;

Сыновья его, Николай, Андрей и Иван внесены в ДРК 13 февраля 1829 года.

Родитель просителя, Илья Петрович Козаков, по Указу Государственной Коллегии 1773 года, декабря 15 дня за № 14283, уволен из военной службы в отставку в чине Капитана.

Из «Формулярного о службе списка» Ивана Козакова:

значится из дворян, выпущен из второго Кадетского корпуса 1810 года, февраля, 22 дня, в Елецкий пехотный полк Прапорщиком, произведён Подпоручиком – 1812, апреля 19; Поручиком – за отличие при городе Лейпциг 1814, апреля, 21;

в походах находился 1813 и 1814 годах в Герцогстве Варшавском, Силезии, Саксонии, Вестфалии, Баварии, в Княжестве Бергском Нассау и во Франции, а во время оных и в действительных против неприятеля сражениях **1812 года:**

августа 7 – при селе Заблоце,
августа 26 – при селе Бородине,
октября 6 – в ночной экспедиции при селе Покровском,
октября 22 – при городе Вязьме;

1813 года:

апреля 25 – при местечке Нассау.
апреля 27 – при городе Дрезден,
мая 8 и 9 – при городе Бауцен,
августа 6 – при местечке Лень,
октября 4, 6 и 7 – при городе Лейпциг, где и получил контузию в голову,
декабря 19 – при переправе через реку Рейн;

1814 года:

генваря 25 – при вылазке неприятеля из крепости Майнца,
февраля 28 и марта 1 – при городе Реймс,
марта 18 – при городе Париже в действительных сражениях находился.

За отличие в сражении при городе Вязьма 22 октября 1812 года получил знак отличия Святой Анны 3 класса, а Высочайшим приказом 21 февраля 1816 года уволен от службы за раню Штабс-капитаном и с мундиром.

В штрафах и под судом не был и к повышению чинов аттестован достойным.

Прошение о дворянстве сыновей Ивана Ильича Козакова - Николая, Андрея и Ивана было удовлетворено.

«Дело о внесении в Дворянскую родословную книгу Орловской губернии Штабс-капитаниши Александры Андреевой дочери Казаковой»

(Протоколы Дворянского Депутатского собрания за 1841 год, ГАОО, ф.68, оп.1, ед.хр.18а)

Слушали о внесении в Дворянскую родословную книгу Штабс-капитаншу Александру Андрееву Казакову.

С прошением вышел муж, Иван Ильич Казаков – внести жену в 6-ую часть ДРК.

В 1829 году он показал, что женат на дворянке Александре Андреевой дочери, урождённой Рагозиной.

Дети:

Николай – 1819, мая 8,

Андрей – 1820, ноября 23,

Иван – 1824, января 29,

Александра – 1825, января 20,

Тёща – подпоручица Татьяна Борисова Рагозина, её муж – подпоручик Андрей Рагозин.

Определили: сопричислить (внести – А.П.) Александру Андреевну Казакову в 6-ую часть Дворянской родословной книги Орловской губернии).

О существовании сельскохозяйственной трудовой коммуны в бывшем имении Козаковых

***(Копии протоколов Малоархангельского уисполкома
и уездной избирательной комиссии по перевыборам в Советы,
ГАОО, ф.Р-1327, оп.3, ед.хр.5)***

В д.Никольское, бывшем имении Козаковых, после революции была создана 2-ая сельскохозяйственная трудовая коммуна, просуществовавшая до 1925 года. В её состав входили Козаков Николай Константинович (как руководитель, 49 лет в 1924 году – А.П.) и Козакова Ольга Константиновна (37 лет, сестра).

Оба они в 1925 году были лишены избирательных прав.

Семейство Козаковых (Казаковых) по метрическим книгам Корсунской церкви

Козаков Иван Ильин, Штабс-капитан (был жив до 1850 года) – глава семейства, и его жена Александра Андреева (в девичестве – Рагозина, была жива до 1859г).

Их дети:

Николай – (8 мая 1819);

Андрей (23 ноября 1820г);

Настасья (20 октября 1821г – 28 августа 1830г);

Прасковья (4 ноября 1822г);

Иван (29 января 1824г);

Татьяна (29 января 1824г - 9 августа 1826г);

Александра (20 января 1825 года);

Вера (18 февраля 1826г – 8 августа 1826г);

Илья (14 сентября 1827г – 14 марта 1828г).

*«Дело о внесении помещиков Габель в Дворянскую родословную книгу
Орловской губернии»*

(Протоколы Орловского дворянского депутатского собрания за 1835 год, ГАОО, ф.68, ед.хр.43, стр.61-63)

1835 года марта 11 дня по Указу Его Императорского Величества Орловское Дворянское Депутатское собрание: слушали выписку из дела о внесении орловского помещика, провинциального секретаря Иосифа Лаврентьева сына Габель с сыном его Николаем в Дворянскую родословную книгу.

Подал прошение 26 февраля 1835 года. Сын Николай родился 5 октября 1830 года в Малоархангельском уезде (запись в МК села Корсунское). Он, Габель, из дворян, в службу вступил в Ряжский пехотный полк подпрапорщиком 1818, генваря, 11 дня; портупей-прапорщиком-1820, июля, 5 дня, прапорщиком – 1821, апреля, 12 дня, подпоручиком 1823, мая, 8 дня.

Из оного полка уволен по домашним обстоятельствам в отставку 1824, генваря, 9 дня.

По прошению определён в канцелярию Орловского обер-форшмейстера 1827 февраля, 2 дня. По Указу Правительствующего Сената переименован из подпоручиков в провинциальные секретари 1827 марта 29 дня, уволен по прошению 1828, генваря 28 дня.

Определён в Брянский земский суд от короны заседателем 1828 августа 16 дня, выбыл 1830 апреля 14 дня.

В походах и сражениях не был.

К повышению чина аттестован способным и достойным.

Показал себя 36 лет, женатым на дочери подпоручика Максима Перепёлкина девице Прасковье, имеет сына Николая, 4 лет.

Недвижимого имения за ним и за женою его 1 душа мужеска пола Орловского уезда при селе Козьмодемьянском, жительство имеет в оном же селе.

Провинциальный секретарь в отставке.

Определили: просителя и сына его внести во вторую часть Дворянской родословной книги Орловской губернии.

***Помещик Дуве Алексей Иванович (1768 - 27.12.1850г.)
в метрических книгах Корсунского храма***

Упоминается с января 1813 года как Малоархангельский помещик (села Корсунского), коллежский советник, а потом - коллежский ассессор, названы его дворовые люди в Корсунском.

Умер 27 декабря 1850 года, погребён на приходском кладбище в селе Корсунском - 29 декабря «сельца Никольского **коллежский ассессор Алексей Иванов Дуве**, 82 лет, от преклонных лет».

*Помещики Тургеневы и Дуровы
по метрическим книгам Корсунской церкви*

Тургенев Дмитрий Александрович, подпоручик (умер до 30 июля 1818 года) и его жена Анна Андреева дочь (в девичестве – Рагозина)

21 августа 1807 года у помещика Дмитрия Александрова сына Тургенева родился сын Александр, крещён того ж числа. Восприемники не названы.

30 июля 1819 года – Малоархангельской округи сельца Медвежка помещик Александр Сергеев сын Дуров понял за себя той же округи **помещицу вдову Анну Андрееву дочь Тургеневу. Жених – первым браком, невеста – вторым.**

Поручители: по жениху – малоархангельский помещик Василий Иванов сын Дуров и Черниговского полку поручик Яков Иванов сын Москвин, а по невесте – оного ж полку прапорщик Александр Самойлов и юнкер Александр Рагозин, кои к обыску подписались.

Дворяне Плескачевские по метрическим книгам Корсунской церкви

Плескачевский Роман Павлович, капитан, и его первая жена Татьяна Андреевна (в девичестве – Рагозина, 1800/1801г. – 16 марта 1826 года), вторая жена – Екатерина Иакимовна (Кветницкая, брак 26 апреля 1833 года)

Сын Николай, от первого брака (рождён 3 ноября 1824 года)

Выписки из метрических книг Корсунской церкви за разные годы:

Браки

24 января 1826 года – Волынской губернии, Житомирского уезда, местечка Бердичева отставной Рязского пехотного полка **подпоручик Иосиф Лаврентиев сын Габель** понял за себя (взял в жёны – А.П.) Орловской губернии Малоархангельской округи села Корсунского помещика Александра Андреева сына Рагозина жены его Марии Михайловой сестру ея **Праскеву Михайлову дочь Перепёлкину, оба лица – первым браком**

Поручители: по жениху – штабс-капитан и кавалер Иван Ильин сын Козаков и поручик Пётр Щербачёв, а по невесте – поручик Александр Рагозин и поручик Григорий Павлов Плескачевский, кои по обыску подписались.

5 октября 1830 года – у помещика Иосифа Лаврентьева Габель родился сын **Николай, восприемник оному – Александр Андреев сын Рагозин.**

27 октября 1830 года – Орловской семинарии бывший словесности ученик Василий Нечаев понял за себя села Корсунского дьяконскую дочь Александру Фёдорову, оба – первым браком

Поручители – по жениху: Тульской губернии Чернской округи села Глатково дьячок Андрей Иванов, Орловской семинарии студент **Ефимий Корсунский**, а по невесте – Малоархангельской округи, села Спасское, Ильинское тож, пономарь **Дмитрий Корсунский**, кои к обыску подписались

**Из метрических книг Корсунской церкви
Малоархангельского уезда за 1917 и 1918 годы
(ГАОО, ф.101, оп.2, ед.хр. 3374)**

Рождения

19 января 1917 года у псаломщика села Корсунское Ивана Григорьева Мороз-Яконюка и его жены Анны Николаевой родилась дочь Серафима.

Восприемники – **прапорщик запаса Иннокентий Петров Милютин** и жена диакона села Корсунское Леонилла Петрова Орлова.

23 декабря 1917 года родилась, 26 – крещена Малания, дочь крестьянина села Корсунское Емельяна Семёнова Коняхина и его жены Акилины Герасимовой.

Восприемники – **дворянин Давид Александрович Ухтомский** и девица из крестьян села Корсунское Анна Лаврова.

Браки

5 февраля 1917 года – **потомственный дворянин Смоленской губернии Духовищенского уезда Владимир Порфирьевич Макалинский, 57 лет, первым браком, и потомственная дворянка Смоленской губернии София Давыдовна Юревич, 43 лет, разведённая с первым мужем, вторым браком.**

Поручители – по жениху: воспитанник 8 класса Орловской гимназии Сергей Мартинов Кожушко и крестьянин села Критово Успенской волости Тимофей Иванов Котов; по невесте: воспитанник 8 класса Орловской гимназии Евгений Мартинов Кожушко и крестьянин деревни Разсоховца Мценского уезда Иван Егоров Некрасов.

Рождения

18 сентября 1918 года родилась, 27 – крещена Вера, дочь крестьян Холмской губернии Столыпинской волости Михаила Игнатиева Чернея и его жены Анны Матвеевой.

Восприемники – **князь Давид Александров Ухтомский** и крестьянская девица села Корсунское Матрёна Семёнова Ушакова.

Глава третья.

Село Корсунь во время войны и в наши дни

Село Корсунь было оккупировано гитлеровцами в 20-ых числах ноября 1941 года, после чего здесь на год и три месяца фашисты установили свои порядки, грабя местное население и заставляя жителей работать на очистке дорог и строительстве немецких оборонительных сооружений.

В самом конце 1941 года, в ходе осуществления Ливенско-Елецкой наступательной операции и последующих действий, наши войска освободили часть восточных территорий Орловской области, войдя в пределы Верховского и Русско-Бродского районов. 27 декабря 1941 года оккупантов изгнали из районных центров Русский Брод и Верховье.

Но через несколько дней наступление Красной Армии было противником (35 армейский корпус вермахта) остановлено буквально на подступах к селу Корсунь (в немецких документах оно именовалось как «Корзун» - А.П.), и линия фронта пролегла у населённых пунктов Трудки – Туровец – Корсунь – высота 257,2 – Залегощь – Неручь до устья Зуши – район Зуши до Городилово включительно.

Здесь в течение всего 1942 года шли так называемые «бои местного значения». Обе стороны неоднократно пытались улучшить свои позиции, для чего время от времени предпринимали наступательные действия на разных участках фронта. Особенно наших командиров «доставали» немецкие наблюдатели с высот 257,2 и 249 (эта высота почти вплотную примыкала к Корсуню с востока).

Первая серьёзная попытка захватить высоту 257,2 была осуществлена 4 гвардейским стрелковым полком 6 гвардейской стрелковой дивизии 25 сентября 1942 года. Ожесточённый бой на подступах длился двое суток, но успеха не имел.

10 октября 1942 года тот же 4 гв.стр.полк и бойцы 122 отдельной стрелковой бригады предприняли одновременную попытку взять штурмом сразу две высоты – 257,2 и 249. Как это происходило, я расскажу на примере одной истории.

Штурм высоты 249 ***(Исай Солодков из 122 отдельной стрелковой бригады)***

4 июля 2016 года в Покровском и Верховском районах Орловской области побывали жители далёкого от нас восточно-сибирского города Ангарска (это один из самых благоустроенных и чистых городов России – А.П.). Евдокия Исаевна Старцева, Максим Старцев, его жена Наталья и их сын Женя посетили сёла Трудки и Корсунь, где почтили память своего отца, деда и прадеда, Исая Филипповича Солодкова.

Максим Старцев и его поиски

Уроженец города Красный Луч Луганской области, он погиб 10 октября 1942 года, сражаясь на покровской земле. Первоначальное место его захоронения было у деревни Мелевое современного Вышнетуровецкого сельского поселения Покровского района. В настоящее время останки красноармейца Солодкова покоятся в братской могиле села Трудки.

Приезд на Орловщину жителей Ангарска был не спонтанной, а давно спланированной поездкой, тщательно подготовленной её инициатором.

Дело в том, что Максим Старцев, в общем-то, ещё молодой человек (40 лет – это совсем немного), достаточно преуспевающий в бизнесе (он – управляющий директор ангарской группы МАС, которая занимается поставками промышленного оборудования - А.П.), в последние несколько лет серьёзно занялся своей генеалогией. И – в первую очередь – биографиями родственников - участников Великой Отечественной войны. Родной дед Максима по линии мамы, Евдокии Исаевны, - погиб на фронте в 1942 году. Дочь бережно хранила «похоронку», которая так потом истёрлась, что пришлось в райвоенкомате снять с неё копию, но текст при этом пострадал, поскольку в нём были допущены (это выяснилось позже – А.П.) ошибки, в частности, дата смерти сместилась на месяц, и не была названа воинская часть.

Максим Старцев, очень подкованный в информационных технологиях пользователь, с открытием электронных сайтов «ОБД.Мемориал» и «Память народа» начал поиски информации о деде, главным образом, с целью выяснить место его захоронения, чтобы съездить потом на могилу и поклониться праху фронтовика. Как ни странно, ему долго не удавалось найти даже фамилию Солодкова Исаия Филипповича, пока он не догадался написать её с возможными ошибками. И тут пришла удача. В «Именном списке безвозвратных потерь 122 ОСБ (отдельной стрелковой бригады) с 4 по 15 октября 1942 года» Максим обнаружил своего родного деда как «СалАдкова Исаия Филипповича», убитого в бою 10 октября 1942 года и похороненного в деревне Молявые Орловской области.

Начало было положено, а вскоре он нашёл уже почти правильное написание фамилии погибшего фронтовика: «Солодко Исай Филиппович» значился в списке похороненных бойцов и командиров в братской могиле села Трудки (в другом списке – в д.Балчик, что правильнее по сути – А.П.).

Что случилось дальше – скажу его собственными словами из электронного письма, присланного на сайт клуба «Мастера» 12 мая 2016 года:

«Александр Михайлович, добрый день!

Я, Старцев Максим, внук Солодкова Исаия Филипповича, разыскиваю могилу деда. По данным «Книги памяти Украины», он погиб 10.10.1942 и похоронен в братской могиле в с.Трудки. В интернете нашел Ваши статьи о встречах с полковником Студенниковым («Мёртвым ничего не нужно?» (Жизнь, любовь и смерть капитана Студенникова)) и «Похоронные команды для 6-ой гвардейской

стрелковой дивизии» - А.П.). Спасибо Вам огромное за них. Я оттуда почерпнул много подробностей и могу теперь восстановить картину событий тех далёких лет.

Что интересно, история моей мамы очень похожа по датам на описанную в Ваших очерках. Мама, Солодкова Евдокия, родилась 6 марта 1942 года, дед погиб 10 октября 1942 года.

Мы живем в Ангарске, Иркутской области. Мама никогда не была на могиле отца. Этим летом планирую приехать вместе с ней, хотелось бы перед приездом максимально уточнить информацию по захоронению. Если у Вас есть такая возможность, прошу сообщить, есть ли Солодков Исая Филиппович в списках захороненных в братской могиле с. Трудки, либо дать мне телефоны и контакты тех, с кем я могу этот вопрос уточнить. С уважением, Максим Старцев, управляющий директор, Группа МАС».

Поскольку в моём фотоархиве хранятся почти все фотокопии мемориальных плит на братских захоронениях района, мне не составило труда в течение получаса просмотреть имеющиеся снимки. И на одной из плит я обнаружил Солодкова Исая Филипповича.

Тут же отправил электронное послание Максиму, который очень быстро отреагировал:

«Александр Михайлович,

Спасибо Вам и Эдуарду Студенникову огромное. Невозможно передать нашу радость - моя бабушка искала могилу мужа и не смогла найти, мама тоже пыталась в меру возможностей.

И наконец, с Вашей помощью, мы обрели то, что искали.

Бабушка жила оставшиеся годы в Красном Луче, и документов по деду, по моим данным, было очень мало.

Этим летом попробую эти документы добыть.

И еще раз, спасибо огромное.

Пришлите, пожалуйста, свой мобильный телефон для оперативной связи и подготовке к поездке».

На Орловской земле

Вот таким было начало нашего заочного знакомства. А 4 июля 2016 года Максим мне позвонил и сообщил, что уже находится в Орле. Мы договорились о встрече, которая состоялась в посёлке Покровское в тот же день. Я - уже очно – познакомился с семьёй Старцевых: Максимом, его женой Натальей, сыном Женей (перешёл тогда в 4-ый класс) и мамой – Евдокией Исаевной Старцевой, которая, несмотря на исполнившиеся 74 года, выглядела очень бодрой и активной.

Ну и сразу же мы на автомобиле Максима отправились в Трудки, где сделали остановку у памятного знака на въезде в село, а потом посетили братскую могилу. Евдокия Исаевна со слезами нашла на одной из плит строчку с фамилией своего отца, потом Старцевы возложили красные гвоздики на могилу и сделали несколько фотографий.

Семья Старцевых у плиты с именем И.Ф. Солодкова на братской могиле с. Трудки

Я рассказал ангарцам о событиях, которые происходили в окрестностях Трудок в 1941 – 1943 годах, а они слушали-слушали-слушали. И записывали на видео, как сказал Максим, - «Сына я с собой взял не только отдыхать. В таких поездках и местах, где решалась судьба нашей Родины, - закладывается душа патриота». И он, несомненно, прав.

Извещение о смерти Исаия Солодкова

Мемориальная плита с именем Исаия Солодкова на братской могиле с. Трудки

А затем мы двинулись в сторону села Корсунь, чтобы оттуда попробовать добраться до Мелевого, в бою у которого и погиб Исай Филиппович Солодков, уроженец города Красный Луч Ворошиловградской области.

По дороге разговаривали, я рассказывал ангарцам о событиях войны на территории нашего края, а они – о деде, жизнь которого закончилась на покровской земле.

И эти наши рассказы, переплетаясь местами, слились, в конце концов, в один героический и трагический рассказ о судьбе маленького человека на большой войне.

Последняя для многих высота...

И прежде чем перейти к событиям военным, случившимся на Покровской земле, небольшое вступление, сделанное на основании рассказа Евдокии Исаевны Старцевой. Её отец, Исай Филиппович Солодков, уроженец и житель г.Красный Луч Ворошиловградской области, на момент начала войны имел «бронь», и потому его не призвали сразу в Красную Армию, но вскоре, по мере приближения фронта, он с несколькими своими товарищами участвовал в эвакуации оборудования своей шахты вглубь страны. Но эшелону удалось проехать только несколько десятков километров, он подвергся атакам вражеской авиации, был разбомблен, а имущество уничтожено. Оставшихся в живых шахтёров, сопровождавших поезд, немедленно мобилизовали на фронт.

Исай Солодков вскоре стал красноармейцем 122 отдельной стрелковой бригады, которая свой боевой путь начала на Орловской земле осенью 1942 года. О том, как это было, я поведаю на основании воспоминаний ветеранов 73 стрелковой дивизии, которая была создана на базе 122 ОСБ.

Из рукописи П.Н.Федосеева-Соколова «От Орловины до Балтики» (машинопись 1984 года):

«...Обстановка под Воронежем и Сталинградом, куда шёл противник, оставалась очень напряжённой, шли ожесточённые бои. Поэтому с целью, чтобы противник не снимал свои войска со спокойных участков фронта и не перебрасывал под Сталинград и Воронеж, командованием Брянского и других фронтов проводились частные операции по овладению отдельными опорными пунктами противника, населёнными пунктами, выравниванию переднего края.

В соответствии с этим в сентябре 1942 года ВРИД командующего 48 армии генерал-майор Халюзин Г.А. приказал 122 отдельной стрелковой бригаде провести силами 2-ого батальона (командир Берсенев Б.В., комиссар – ст.политрук Румянцев) наступление на левом фланге обороны 6 зв.стр.дивизии в районе с.Трудки, прорвать оборону противника, захватить высоту 249, одну из трёх, доминирующих в этом районе над нашим передним краем. Это был для бригады первый наступательный бой.

10 октября батальон овладел тремя траншеями, но на западном скате высоты, в четвёртой траншее, противник успел укрепиться и в сумерках перешёл в контратаку. Враг имел значительное преимущество в пехоте и активно поддерживался артиллерией и танками. В бою погибли командир

роты ст.лейтенант Кукурузенко М.А., инструктор политотдела бригады по политработе политрук Исаев, командир роты ст.лейтенант Яшин, тяжело ранен командир 2-ой батареи миномётного дивизиона ст.лейтенант Бардаков (умер от ран).

Карта военных лет, высота 249 – к востоку от села Корсунь

Ротам батальона пришлось отходить в исходное положение. Роты несли большие потери, часть раненых осталась в руках противника. Задача оказалась невыполненной. В это время был получен приказ о реформировании 122 отдельной стрелковой бригады в 73-ю стрелковую дивизию (15 октября 1942 года)».

Некоторые подробности и уточнения этого трагического события содержатся в «Воспоминаниях Голева Ивана Степановича, старшины, командира расчёта 82мм. миномёта 122 ОСБ 48 армии.

Подкоп ради штурма

Среди многочисленных операций местного значения, совершённых воинами 48 армии осенью 1942 года, был штурм высоты 249, которая стояла в полутора километрах на восток от села Корсунь (смотри, читатель, карту, где высота – в левом углу, к востоку от Корсуни – А.П.). Немцы с этой высоты просматривали и обстреливали на большую глубину армейские тылы. Для штурма командование 122 ОСБ выделило 2-ой батальон. Операция была сугубо секретна...

Кстати, тогда в районе Корсуни штурмовались две высоты, первая – с отметкой 257, – 6-ой гв.стр.дивизией, вторую, с отметкой 249, поручено было штурмовать нашей бригаде. По разработанной диспозиции делался

подкоп под оборону противника. По всей бригаде собрали бывших шахтёров (с очень большой долей вероятности, среди них был и Исай Солодков – А.П.), они работали ночью. Днём работы прекращались, землю вывозили далеко, всё убиралось, местность маскировалась. При ведении подкопа соблюдались тишина, предосторожность.

Когда все работы были закончены, то в шурф заложили взрывчатку. В ночь с 9 на 10 октября 1942 года стрелковый батальон под командованием ст.лейтенанта Берсенева сосредоточился на исходной позиции. Атаку батальона должна была поддержать артиллерия как нашей бригады, так и артиллерия 6-ой гв.дивизии.

Атака должна была начаться в 3 часа ночи. Раздался мощный взрыв, в воздух полетели обломки немецко-фашистских укреплений. Это было сигналом для атаки. Стрелки стремительно бросились вперёд. Растерявшийся противник был застигнут врасплох, высота 249 была взята, хотя имелись и потери. Срочно было приказано переоборудовать немецкие позиции на западную сторону. Подвозили боеприпасы, пищу, но времени для этих работ оказалось слишком мало.

На рассвете десятки вражеских батарей обрушили на высоту смертоносный огонь. Неподготовленные окопы стали быстро разрушаться, защитники высоты несли потери. После получасовой подготовки враг перенёс огонь вглубь нашей обороны, где на подступах к высоте поставил заградогонь.

По склону ползли танки, за ними шли густые цепи автоматчиков. Наши мужественные воины отбили одну, вторую, третью и так – шесть атак за день...

Но силы были слишком неравны. Убитые падали, раненые продолжали сражаться. В живых остался лишь один офицер, ст. лейтенант Кукурузенко, который принял на себя командование обороной. Ещё через несколько часов положение стало очень сложным. Когда сообщили в штаб дивизии, то прибывший на НП начальник штаба 48 армии, генерал-майор С.С.Бирюзов (будущий Маршал Советского Союза) всё просмотрел, взвесил, проверил и сказал: «Вы сделали всё, что смогли».

В зимнем наступлении 1943 года воины 137 стрелковой дивизии освободили от немецко-фашистских захватчиков село Корсунь. На склонах высоты 249 они увидели страшную картину надругательства немецких варваров над павшими бойцами. Трупы лежали голые, страшно изувеченные, посыпанные толстым слоем извести...

В 60-ые годы пионеры Корсунской школы, в честь героических подвигов воинов 6 гв. стр.дивизии и 122 отдельной стрелковой бригады воздвигли на вершинах обелиски...».

И последний отрывок – «Из воспоминаний Дмитрия Ивановича Смирнова, генерал-лейтенанта, Героя Советского Союза, командира 122 ОСБ, а потом - 73 стрелковой дивизии (умер в 1975 году в Москве):

«... Я вспоминаю, никогда не забуду, до последних дней своей жизни я этот эпизод буду помнить. Я вспоминаю этот второй батальон, в котором были молодые ребята, здоровые, лет по 25-30, сто процентов русские были, сибиряки – 900 человек батальон. И вот всё подготовили. Огонь, скачок...

Я находился метрах в 200-300 от переднего края, где они наступали... Александрович (комиссар бригады) со мной был... Взяли. Почти без потерь.

Герой Советского Союза, командир 122-й ОСБ, Дмитрий Смирнов

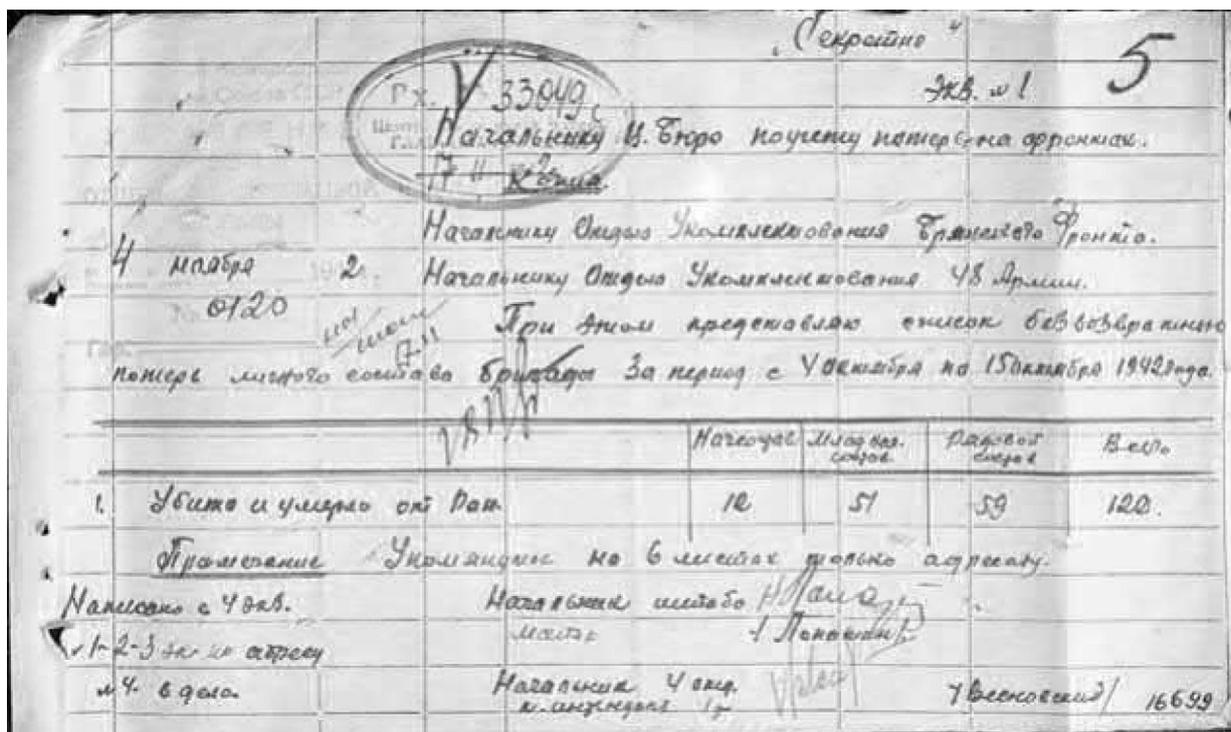
Проходит 30-40 минут, максимально, может, час. Немцы сосредотачивают порядка 5-6 дивизионов артиллерии, эскадрилья авиации, до батальона танков и до полка пехоты илавина.

Мы потеряли порядка 600-700 человек. А нам нечем стрелять, одни патроны, снарядов нет... Нам давали в день четверть снаряда на пушку, то есть, всего 30 снарядов. А у немцев – сотни, а иногда и больше...

Память

Р.С. Как видишь, читатель, у трёх авторов воспоминаний, воевавших в одной воинской части, имеются некоторые разночтения, но в основном они сходятся: штурм высоты 249 был на первом этапе удачен, но достаточно быстро гитлеровцы сумели опомниться и предприняли мощные атаки, в результате которых 2-ой батальон 122 отдельной стрелковой бригады понёс большие потери.

Сам командир бригады, Д.И.Смирнов, называет цифру в 600-700 человек. Но в официальном «Списке безвозвратных потерь 122 ОСБ» (только его 2-ой батальон) 20 октября 1942 года при штурме высоты 249 к востоку от села Корсунь значатся погибшими 119 человек, а если прибавить к ним павших 6 октября, то получится 122 – мистическое совпадение с порядковым номером отдельной стрелковой бригады.

Начало сообщения о безвозвратных потерях бойцов и командиров 122-й ОСБ

Все погибшие и вынесенные с поля боя бойцы 122 ОСБ были погребены в общей братской могиле у деревни Мелевое Покровского района. Среди них оказался и Исай Филиппович Солодков. В 60-ые годы останки бойцов из братской могилы в д.Мелевое перенесли в братскую могилу села Трудки. Правда, в списках на плитах этого захоронения значатся далеко не все из бойцов 122 отдельной стрелковой бригады. Почему – это предстоит выяснить.

Я рассказал тебе, читатель, о трагических событиях 10 октября 1942 года, связанных с судьбой 119 советских солдат и одного конкретного красноармейца – Исае Солодкова.

У места боёв 10 октября мы и побывали 4 июля 2016 года с ангарцами – вначале на высоте 257 (той, которую штурмовала 6-я гв.стрелковая дивизия), а потом – у высоты 249, при штурме которой погиб Исай Солодков). В 60-ые годы красными следопытами Корсунской школы под руководством директора – Николая Дмитриевича Сусанова была проведена большая работа по увековечиванию памяти павших воинов. В настоящее время здесь находятся памятники и памятные знаки. А вот что касается братских могил с именами погибших бойцов, то здесь многое предстоит выяснять и уточнять. Но, по крайней мере, мы знаем, что большинство павших 10 октября 1942 года солдат из 122 ОСБ покоятся в братской могиле села Трудки.

А с 15 октября 1942 года 122 ОСБ прекратила своё существование, поскольку на её основе была создана 73 стрелковая дивизия, прошедшая славный боевой путь, в том числе – и по территории нашего района.

10 октября 2017 года исполнилось 75 лет со дня трагических событий на высоте 249, а 5 августа 2018 год – 75 лет освобождения Орла и Орловщины от немецко-фашистских захватчиков. Пусть этот очерк будет частичкой общего

вклада в копилку нашей общей и благодарной памяти по отношению к героическим воинам, павшим за освобождение нашего края.

Вид на высоту 249 у села Корсунь

Поклонный крест и памятный знак у села Корсунь в честь бойцов 122-й ОСБ

*Памятник 6-й гв. стр. дивизии
на высоте 257*

*Памятная плита у села Корсунь
в честь 122-й ОСБ*

Братская могила в селе Корсунь

Начало возрождения

В октябре 2011 года депутаты Верховского районного Совета народных депутатов приняли решение о передаче на безвозмездной основе зданий Корсунской основной общеобразовательной школы местной церкви во имя иконы Корсунской Матери Божией сроком на 49 лет. Главной причиной такого необычного решения послужила маленькая численность учеников в закрывшейся Корсунской школе.

Как сообщил тогда сайт «Орел-Регион» со ссылкой на сотрудника Верховского райсовета Марину Величкину, в Корсунской школе Корсунского сельского поселения числилось примерно 15 детей, которые с нового учебного года автобусом добираются в новую школу соседнего села Скородное. Здание школы на безвозмездной основе передано на 49 лет церкви Корсунской Божией Матери.

Об открытии монастырей в селе Корсунь

19 марта 2014 года на заседании Священного Синода Русской Православной Церкви, в связи с прошением Преосвященного архиепископа Орловского и Ливенского Антония, принято решение открыть в селе Корсунь Верховского района женский монастырь во имя Святого апостола и евангелиста Иоанна Богослова и назначить игуменией монастыря монахиню Ярославу (Веригину).

А в день праздника Светлого Христова Воскресения, 20 апреля 2014 года, Высокопреосвященнейший архиепископ Орловский и Ливенский Антоний совершил Пасхальную великую вечерню с чином поставления монахини Ярославы (Веригиной) во игуменью. Владыка вручил матушке посох и напутствовал на продолжение трудов по созданию обители.

13 июля 2015 года в историческом здании Святейшего Правительствующего Синода в Санкт-Петербурге под председательством Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла состоялось заседание Священного Синода Русской Православной Церкви.

А теперь цитирую запись из журнала №55:

«Слушали:

Рапорт Преосвященного архиепископа Сергиево-Посадского Феоноста, председателя Синодального отдела по монастырям и монашеству, относительно поступивших прошений епархиальных Преосвященных об открытии и переносе монастырей, о назначении на должность и освобождении от должности игуменов, наместников и игумений монастырей...

Постановили:

10. В связи с прошением Преосвященного епископа Ливенского и Малоархангельского Нектария открыть Корсунскую Князь-Владимирскую

мужскую пустынь в селе Корсунь Верховского района Орловской области и назначить игуменом этого монастыря иеромонаха Силуана (Фирсова)».

19 августа 2015 года в праздник Преображения Господня Преосвященнейший Владыка Ливенский и Малоархангельский Нектарий посетил вновь учрежденный монастырь - Корсунскую Князь-Владимирскую мужскую пустынь в селе Корсунь. За Божественной Литургией на Малом входе Владыка возвел наместника монастыря иеромонаха Силуана в сан игумена. После освящения плодов владыка Нектарий вручил игумену Силуану жезл – символ духовной власти в монастыре.

Корсунь — орловское село, где есть место чудесам

О прошлом села Корсунского, его храма и прихожанах в XIX – начале XXI века я написал достаточно много, а вот с внимательным и заинтересованным взглядом стороннего человека на это замечательное место, да тем более, подкреплённого разговором с игуменом Силуаном, столкнулся пару лет назад впервые. Газета «Московский комсомолец – Черноземье» (региональное приложение от 24 мая 2016 года) опубликовала большой материал своего корреспондента Дениса Шайкина, с которым (я убеждён в этом – А.П.) с удовольствием познакомится каждый, кто хоть раз бывал в Корсунь или только собирается посетить это чудесное место. Вот этот материал - интервью, уважаемый читатель (Александр Полынкин)

Репортаж из Князь-Владимирской Пустыни, которого не должно было быть...

В Орловской области, на самой высокой точке Средне-Русской возвышенности, расположилось село Корсунь... Хотя, нет. Не так. В том месте Орловщины, где земля Срединной Руси ближе всего к небу и Небесам, не в незапамятные времена, а сегодня, сейчас, горстка людей без излишнего пафоса, без помпы, в ежедневном труде, совершает подвиг. Медалей, славы и почитания за него эти люди не получают.

Впрочем, они и не ждут почестей. Да и не подвиг это, а скорее — подвижничество. С 2011 года, уже (хотя для кого-то — всего) пять лет православный священник, Отец Силуан со своей паствой возводит в Корсунь не храм, но — храмы. Не монастырь, а монастыри, мужской и женский. Своими руками. По кирпичику. Молясь. И вкалывая наравне со всеми, до сорванной спины. В прямом смысле слова. Ничего этого, отправляясь с товарищем в предложенную им легкую поездку — «чтобы отдохнуть от города», я не знал...

Дорога в Князь-Владимирскую Пустынь

С череды совпадений начался этот репортаж. Мелких, странных или незначительных. Приятель Андрей, заскочивший в редакцию на чашку кофе, выслушав мои сетования по поводу напряженного графика, обилия политиков и политиканов, встреч и встречек, кучи бумажной работы и невозможности

передохнуть даже минуту, просто сказал: «А поехали со мной завтра в Корсунь?» «А поехали!» — ответил я. И только потом спросил, что это за Корсунь такая? «Да есть в Орловской области, от Курска километров 200 будет, местечко. Там Отец Силуан монастырь строит... Выезжаем завтра в 11.00».

В этом «завтра» время у меня уже было распределено по часам. Но отказываться было неудобно. Да и не хотелось почему-то отказываться. Но изменения в своем графике, перенос встреч и дел решил отложить на вечер. Однако к вечеру оказалось, что и переносить-то нечего: одна встреча отменилась сама собой, на вторую не успевал вернуться человек из Москвы, две других сместились с двух и четырех часов дня на утренние 9 и 10. И ровно в 11 утра наступившего «завтра» Андрей увез меня в своем авто, под мурлыканье «Океана Ельзи» прочь из-под начинавшего заливать Курск унылого дождя.

Бесконечные зеленые или масляно-черные поля, леса и перелески, озера, редкие деревеньки, город Щигры, снова поля и холмы, остановка у архаичного сельпо — купить «Буратино» и пару «школьных» пирожных, то ли маленький город, то ли большое село с птичьим названием — Колпна, еще несколько десятков километров под неспешную беседу, которую Андрей вдруг прервал: «Видишь, вон т-а-а-а-м, на холме крест? Вот над этим местом над землей огненный столб стоял. Почти приехали».

Здесь была усадьба... потом немцы... потом лес...

Слева мелькнули за деревьями какие-то строения в одно окно, сколоченные из свежеструганных досок, со смешными разноцветными крышами, плотно, рядком посаженные впритык друг к другу. Справа показались синие остроконечные шпили, увенчанные крестами — храм со звонницей и вот мы уже притормозили у массивных, новеньких ворот, опорами которых оказались два кирпичных столпа, явно екатерининских, если не старше, времен постройки. «Здесь до начала прошлого века дворянское гнездо было. Поместье целое, князя Вельяминова-Зернова, из рода Годуновых. Вот только два столба этих и сохранились от него», — поведал мне мой проводник, указывая на один из кирпичных дольменов с прикрепленной к нему новенькой табличкой «Корсунская Князь-Владимирская Мужская Пустынь».

«После революции тут все в запустенье пришло. А во время войны через Корсунь линия фронта проходила. Видишь памятник с именами? За ним послушники, кстати, ухаживают. Так вот, огромное количество воинов в боях здесь полегло. Немцы, кстати, тут два года стояли. А во время кровопролитнейших боев и вовсе все было разрушено до основания. В общем, к началу нашего века лес уничтожил почти все следы как архитектуры, так и просто того, что здесь ступала нога человека, можно сказать. А в 2011-м сюда приехал отец Силуан», — выбравшись из-за руля и разминаясь, рассказывал мне мой спутник.

— В храме, который он отстроил — ты видел справа, на службу до 200 человек собирается. А по праздникам и вовсе приходится экран на улице

разворачивать — в два, а то и в три раза больше народу приходит. К источнику не меньше приезжает за водой и за исцелением. А как батюшка купель установил, точно в разы больше. Ну да вот и он идет, сам тебе все расскажет...».

Пустынь встречает звуками стройки

В храме сейчас гостит икона Великомученицы Варвары

Корсунская икона, вырезанная вручную из дерева

Трапеза

Я обернулся. Со стороны храма, весь в черном, энергичным шагом, спина по-офицерски прямая, борода — перец с солью, глаза слегка прищурены, к нам подходил, протягивая для приветствия крепкую руку без маникюра и перстней на пальцах, тот, о ком говорил Андрей. Отец Силуан.

— Здравствуйте, отец Силуан.

— И вам — здравствуйте. Ну что, перекусить вам надо, с дороги-то. Пойдемте в трапезную, попробуете «мейд ин наше»...

Щи, хлеб, картошка-пюре и салат из капусты, огурцов и редиски, иван-чай в кружке — за нехитрой, но удивительно вкусной трапезой и завязалась беседа со священником, настоявшем на обеде после дороги. И начался с разговора о случайностях и неслучайном...

— Отец Силуан, я здесь сегодня оказался случайно, честно говоря. А какой случай привел вас сюда пять лет назад? И почему именно сюда? Почему — монастырь? И даже не монастарь, а два — мужской и женский? По стране вон сколько свежестроенных обителей появилось, а живут в них по десятку-два человек. А то и меньше. Зачем с нуля-то начинать решение приняли?

— Случайно, говоришь? Сам-то веришь в случайности? Вот то-то и оно. Не бывает случайностей. А те, что бывают — неслучайны. Я знал, что вы приедете. И Андрей знал, что ты с ним ехать не откажешься. Ты вот разве что, не знал, но — не отказался ведь? Так и меня сюда не воля случая привела, а воля Господа нашего. И тех, кто со мною пришел, Он направил.

Игумен Силуан

Да и не с нуля мы начинали. В середине позапрошлого века в селе Корсунь стояла церковь, освященная в честь Корсунской иконы Божией Матери. Большая церковь была, красивая, светлая. С цветными витражами вместо окон. И с необыкновенной красоты часовней. Революция и война даже следы ее уничтожили. Следы. Но не память и веру в сердцах людей. Вера нас сюда и привела. Она же приводит сюда послушников и трудников, а также бегущих от скорби и ищущих правды или просто любопытных поначалу, потом год из года приезжающих. Детишек и молодых, людей среднего и серьезного возраста.

— Но сняться с места в центре региона и поехать в глушь корчевать бурелом, чтобы восстановить церковь — не смущало, что вас будут считать, мягко скажу, странноватым?

— Да кем меня только не считали, да не рядили тут за пять-то лет. И наркобарон я, и сутенер, и колдун, и гипнотизер...

Наркобарон, сутенер, колдун, гипнотизер и сектант...

— Наркобарон?!

— Ну да. Люди-то разные приходят стали, с разными бедами. С наркоманией и алкоголизмом, в том числе. А здесь у таких людей как-то получается бороться с недугом этим. В городе никак справиться не могут, а здесь — излечиваются. Вода из источника помогает, воздух и труд, молитвы или беседы... Да скорее, все вместе взятое, с верою во главе угла. А возникает соблазн какой, сами в нашу тюрьму идут...

— В тюрьму?!

— В-о-о-н там, поодаль, видишь, домишки деревянные? Олимпийскую деревню нашу? Один из домиков — тюрьма. Чувствует человек, что соблазн побеждает, сам под замок идет, пока тот не отступит.

Ну а так как молва людская разнесла о том, что помогает Пустынь тем, на кого мир давно рукой махнул, так и потянулись к нам те, кто сам не в силах с

болезнью своей справиться. Но у каждой медали, как говорится, есть и обратная сторона, да? Противоположный слух пополз от завистников, да тех, кто в добро не верит. Мол, неспроста, наркоманы к Силуану ездят. Не иначе — наркобарон он. Ты вот смеешься, а нас сколько раз проверяли — не счесть. И ФСБ и Госнаркоконтроль...

— С этим бредом ясно. Но сутенерство-то откуда? Кого и куда вы продавать можете?

— Да глупость это людская и нежелание отринуть грязное от себя, заставляющее судить по образу и подобию своему. Приезжают-то к нам со всей России. Из Москвы, Тулы, Белгорода, Курска, Рязани. Из Белоруссии и Украины. Машины и номера разные, иномарки порой дорогие. Вот и не укладывается в голове у некоторых, что не за грехом к нам едут, а за благодатью. Для доброго человека, с открытым сердцем, очевидно, что слухи подобные — бред. Только вот не у всех ведь сердца для добра открыты.

— А колдовство...

— Что есть, то есть.

— В смысле??!

— Только название у этого колдовства самое простое. «Труд» оно называется. Мы с Божьей помощью исполняем то, что задумано. Привели в порядок один храм и сейчас строим второй, административное здание и жилой корпус возводить заканчиваем, церковную лавку открыли, купель, лестницу к ней и к источнику, территорию в порядок приводим, пни корчем, домик для самовара вот решили соорудить. Это каждодневный, кропотливый труд. А ленивый, например, человек смотрит и удивляется — год там, или месяц назад ничего не было, а сейчас солнце в меди венца над стенами возводимого храма блестит. Волшебство, думает, не иначе. Колдовство.

Досадно, что в наш век такие дремучие люди встречаются. Но есть в их сплетнях и хорошее, скажу по секрету: бензин из машин наших и гостей не отливают и не воруют ничего. Потому как самими же придуманного «колдовства» боятся.

С гипнозом та же история. Мучается человек годами, никак не может в себе пагубную привычку к бутылке преодолеть, а к нам приезжает раз-другой, воды попьет из источника, окунется в купель и забывает про пристрастие свое. Как объяснить это? От неверия в силу воли человеческой и в помощь Божью так и объясняют: не иначе братья и сестры в Корсуни гипнотизируют людей. А раз к ним так много людей ездит, то явно это секта какая-то...

— Раздражает? Как разубеждаете?

— Неприятно, конечно, слышать о себе подобное раньше было. Но раздражение неконструктивно. Да и разубеждать — занятие неблагодарное. Никак не разубеждаем. Сейчас-то эти бредни поутихли уже, со временем. К тому же в прошлом году 13 июля на заседании Священного Синода Русской Православной Церкви, прошедшем в Санкт-Петербурге, в связи с прошением Преосвященного епископа Ливенского и Малоархангельского Нектария, было принято официальное решение открыть в селе Корсунь Верховского района

Орловской области Корсунскую Князь-Владимирскую мужскую Пустынь и назначить меня игуменом монастыря. Ретивости у злопыхателей и распространителей слухов это поубавило.

— Все, можно почивать на лаврах, попивать чаек из самовара в своем особняке? Он есть в наличии?

— Это кому делать нечего, пусть почивают на лаврах или где еще там. Нам некогда. А чаек попить-то из самовара не грех. Да если самовар так же хорош, как наш. Впрочем, таких самоваров, как у нас, всего три существует: наш, один в Сочи и еще один — на Афоне. Поэтому и строим домик ему. Слева при въезде видел, наверное? Будем там паломников, детишек и прочих гостей чаем потчевать.

«Домик для самовара»

Таких красавцев всего три: на Афоне, в Сочи и в Корсуну

А особняк, конечно же, есть. Как без особняка-то. Вон, слева от стройки, где куры бегают, видишь домик?

— За дровами? Курятник вижу...

— Почему это курятник?! Это и есть особняк мой, хоромы белокаменные...

«Белокаменный особняк» отца Силуана

О кирпичике, мироточащем Распятии, помощи и помогающих

— Да уж, белокаменное строеньеце. Кстати, отец Силуан, а что это за сказочная история с храмом, который выстроен по кирпичику?

— Почему же сказочная. Преподобный Серафим говорил: «Десница Господня касается того, кто строит храмы, и многие грехи простит тому Господь».

Пожертвование на «именной кирпич» — это старинная забытая традиция, когда на Руси храмы строили всем миром! В настоящее время эта традиция активно возобновляется, в том числе и наш монастырь строится, благодаря людям, участвующим и таким образом. Можно внести пожертвование и приобрести свидетельство на «именной кирпич» для себя, своих родных и близких людей. Пожертвования на кирпичик — не только лепта на храм, но и особая сугубая молитва за родных и близких, крестников, друзей и всех людей, кто в этом нуждается. В каждое свидетельство вносится имя жертвователя, а в дальнейшем все имена переписываются в отдельные тетради, которые будут закладываться в стены строящегося храма в вечное поминовение! Имена можно указывать как о здравии, так и о упокоении. Стоит один такой именной кирпич немного, всего 100 рублей. Никаких чудесных сказок, все по-настоящему.

Стройка идёт полным ходом

Хотя свидетелями чуда тут являются многие. И я в том числе.

— В прошлом году, в ночь после Крещения в храме замироточило распятие, вы об этом событии говорите?

В крещенскую ночь распятие начало мироточить

— И об этом, так правильнее. Первым по времени, если говорить о новейшей нашей истории, считают видение, явленное местным жителям во время самого начала строительства церкви во имя Корсунской иконы Богородицы, то есть где-то в начале двухтысячных годов. По словам старожилов села Корсунь, над местом, где потом возвели храм, в небе возникло видение колоколов. Монашеской обители в Корсуне тогда не было.

Второе чудо могут засвидетельствовать вам сестры сестринской общины, наши монахини. В 2011 году, вечером Троицкой родительской субботы, над храмом появилось и две минуты стояло светлое облако, которое постепенно преобразовалось в фигуру женщины в мантии. Женщина держала на руках храм. И, наконец, третье чудо — чудо мироточения, начавшегося в ночь с 18 на 19 января 2015 года. Уж об этом писали и говорили все газеты и телеканалы страны.

А вот о том, как к нам санэпидемстанция приезжала, пробы воды брать, никто, пожалуй, и не знает. Приехали, суровые такие, сразу в купель пошли. Сейчас, говорят, пробы возьмем, да, наверное, доступ и ограничим людей к источнику. Я им — так это не источник вовсе, а купель, тут люди омовение делают, вы идите из источника пробы брать. Ни в какую. Взяли из купели.

Провели пробы. Результат — вода кристально чистая, чище талой ледниковой.

Каменная река течёт к купели

— С получением официального статуса и после этих, необъяснимых с рациональной точки зрения, событий легче стало? Дела пошли в гору? Тем более, что светская власть сейчас весьма плотно способствует укреплению православия. От помощи отказываться-то еще не приходится?

— Знаешь, людей с каждым годом у нас и без статуса становилось все больше и больше. Приезжают отовсюду. С семьями, с детьми, поодиночке. Паломники. Страждущие исцеления. Просто гости. Для детишек от 12 лет приходится нечто вроде летнего лагеря организовывать. И нам все труднее и труднее принимать всех, кто к нам приезжает. Просто некуда селить людей. Вот фундамент под гостевой дом для паломников есть. Кирпич есть, хоть и мало его. Больше нет ничего пока. Получится за лето построить, даст Бог, полегче будет. Так что от помощи мы не отказываемся ни от какой. И люди помогают. Причем иногда помогают тогда, когда, казалось бы, помощи ждать неоткуда.

Вот случай был, поехал я как-то прицениться к трактору, без которого нам ну никак. Стою на выставке напротив машины и понимаю, что стоит она для нас неподъемно дорого. И тут звонок. Мужчина из Москвы, который несколько раз приезжал в Пустынь, звонит и говорит: «Отец Силуан, мы тут с другом подумали и решили вам в помощь трактор купить. Ждите».

Или вот в Орле обратился к одному уважаемому человеку с просьбой выделить на время экскаватор нам от его организации. Тот выслушал и отказал. Собрался я уходить, а он говорит: «Подождите. Давайте подумаем, чем я смогу все-таки хоть немного помочь». И вот «немного» это трансформировалось в погрузчик, экскаватор и еще много чего.

Камень вот облицовочный, видишь, красивый какой, с искрой золотою? Женщина одна долго после аварии прийти в норму не могла, а поехала к нашему источнику живоносному и исцелилась. Им и отблагодарила.

А власть... Да как-то особо и не общался я с властью-то. Надеюсь, конечно, что не останемся мы без внимания. Глядишь, и заглянет к нам губернатор. Он, говорят, скор на подъем. А самому к нему ехать, у него и без меня просителей много. Да и что я покажу ему, приехав? Картинки и проекты? Корсунь живую увидеть надо, почувствовать, понять, воздух ее вдохнуть. А ходить по приемным, часами высидивать перед кабинетами, выпрашивать что-то — может быть и есть в этом смысл, но, если честно, нету времени, да и не очень это достойно. Захочет власть помочь, поможет. Не помогает, значит — время еще не пришло...

За четыре часа, проведенных в Корсунской Князь-Владимирской Пустыни с отцом Силуаном, я увидел и услышал многое. Посмотрел на работу мастеров в столярке, из березы вырубаящих распятие для строящегося храма, поинтересовался, почему пластиковые не купят, как почти везде сейчас? «Ненастоящее это, неправильное. Нельзя». Похлопал по боку 300-литровый самовар. Поздоровался с послушником-арестантом «тюрьмы», нательный крест которого сделан из медали «За отвагу», полученной в Афгане. «Выходить не пора тебе, родной?» — «Нет, батюшка, завтра утром выйду».

*Памятник воинам, павшим при освобождении села.
Сквозь еловые лапы проглядывает крест*

Оглядел лес, окидывая рукой который, отец Силуан рассказывал: «Там, за прудом, слева, храм будет, справа келейный корпус, мостик навесной сделаем вот тут, над водой...» И его уверенность в произносимом, казалось, материализовывала все, о чем он говорил: сквозь ветви деревьев на противоположной стороне заболоченной низины проглядывал крест, и трава в самой этой низине поблескивала водою. Может быть, все-таки — гипноз? Или — вера?

Дорога в Курск была быстрой, и небо над городом, закрытое перед нашим отъездом в Корсунь низкими тучами, встретило яркой голубизной. И казалось, всего несколько минут назад отец Силуан сказал на прощанье: «До скорой встречи, Денис. А ты не гони больше 140, Андрей. Ни к чему это. Все успеете».

Денис Шайкин

*(Московский комсомолец – Черноземье,
24 мая 2016)*

<http://chr.mk.ru/articles/2016/05/24/korsun-orlovskoe-selo-gde-est-mesto-chud>

Послесловие

Эта небольшая книга была подготовлена к печати два года тому назад, но, в силу разных обстоятельств, выходит только сейчас, - в авторском варианте, с чёрно-белыми фотографиями и небольшим тиражом. За это время в Корсуне изменилось многое, но я надеюсь, что появится вскоре второе издание «Светлых ликов», уже – с цветными снимками, которые позволят читателю увидеть всё благолепие исторических и святых мест. Пока же я дополню книгу только несколькими фотографиями, чтобы показать то новое, что появилось в корсунских монастырях за прошедшие два года: подведены

под крышу административный корпус и общежительский корпус женского монастыря с храмом Святой Ирины, освящён храм-часовня во имя Алексия – человека Божия, открылась православная чайная (тот самый «Домик для самовара»), большие работы проведены по благоустройству территории, областное и даже российское звучание приобрёл праздник-фестиваль под названием «Корсунь Владимирская», о корсунских монастырях снято несколько фильмов (Александр Полынкин)

*Общежительский корпус
женского монастыря*

*Храм-часовня
во имя Алексия – человека Божия*

Автор книги с паломниками в «Домике для самовара»

*P.P.S. Вот теперь всё, уважаемый читатель! Надеюсь, ты получил представление о селе Корсунь, его храме и прихожанах – от лет стародавних до современности. А чтобы полюбить это замечательное место и его людей, надо там побывать. Этого я тебе и пожелаю.
До новой встречи!*

Твой автор – Александр Полынкин

Содержание:

Глава первая. Корсунский храм и его служители

Освящение Корсунского храма в селе Корсунском	3
«Дом Божий» снаружи и внутри	5
Священники и церковнослужители Корсунского храма	13
Смирновы - последние священники Корсунского храма	14

Глава вторая. Прихожане Корсунского храма

Помещики Рагозины – первые владельцы села Корсунское	18
Вельяминовы-Зерновы – родственники царя Бориса	19
Фёдор Вельяминов – предводитель дворянства Верейского уезда	19
Анисья Вельяминова (Кологривова) и Алексей Мерзляков	23
Владимир Вельяминов – первый русский учёный-правовед	27
Судьбы военные: Фёдор и Николай Вельяминовы-Зерновы	29
Владимир Владимирович и его «замечательной красоты имение»	31
Шляхтичи Кветницкие (тайна последнего польского короля)	33
Козаковы (Казаковы), Габель, Плескачевские, Дуве и другие	39
Из метрических книг Корсунской церкви за 1917-1918 годы	45

Глава третья. Село Корсунь во время войны и в наши дни

Штурм высоты 249 (Исай Солодков из 122 отдельной стрелковой бригады)	46
Начало возрождения	53
Об открытии монастырей в селе Корсунь	54
Корсунь – орловское село, где есть место чудесам	54
Послесловие	69
Содержание	70

100 - 00

Духовно-просветительное издание

12+

Александр Михайлович Полынкин

Светлые лики Корсуни

Автор-составитель и редактор – А.М. Полынкин

Фотографии – А.М. Полынкин, редакция газеты «Московский комсомолец»
и из семейных архивов

Технический редактор С.А. Ветчинников

Подписано в печать 12.08.2018 г. Формат 60X80 1/16
Печать ризограф. Бумага офсетная
Гарнитура Times New Roman
Объём 4,5 усл. печ. л. Тираж 100 экз. Заказ № 315

Лицензия ПД № 8– 0023 от 25.09.2000 г.
Отпечатано в ООО ПФ «Картуш»
г. Орел, ул. 2-я Посадская, 26. Тел./факс (4862)44-51-46

